Родословие России

Юрий Никитин

Государство – это мы! Род Лузиковых

Интернациональный Союз писателей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Полная неожиданных поворотов и драматических изгибов в судьбах героев, эта документальная книга Юрия Никитина, одного из представителей славного казачьего рода Лузиковых, является попыткой восстановить генеалогическое древо калачевско-астраханской ветви рода, начиная с 1712 года и по наши дни. Автор не только представляет читателю 12 поколений Лузиковых, но и насыщает повествование разного рода деталями из жизни и быта близких ему людей, которые в начале 30-х годов прошлого столетия подверглись политическим репрессиям. Выпуск книги «Государство-это мы! Род Лузиковых» приурочен к предстоящему празднованию 300-летия образования Петром I Астраханской губернии и открывает новую издательско-патриотическую серию «Родословие России».

- Юрий Никитин
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Глава I
  - ○ Глава II
  - ○ Глава III
  - ○ Глава IV
    - ■
    - ■ Поколение 1
    - ■ Поколение 2
    - ■ Поколение 3
    - ■ Поколение 4
    - ■ Поколение 5
    - ■ Поколение 6
    - ■ Поколение 7
    - ■ Поколение 8
    - ■ Поколение 9
    - ■ Поколение 10
    - ■ Поколение 11
    - ■ Поколение 12
  - ○ Глава V
  - ○ Глава VI
- notes
  - ○ 1

Юрий Никитин
Государство – это мы! Род Лузиковых

На задней стороне обложки – автор книги в день закладки исторической реконструкции первого русского военного парусного корабля «Орел». Астрахань, июль 2007 г.

От автора

Мда…Вот уж не думал, не гадал, что сразу после психоделического триллера[1] с красивыми барышнями, изощренными злодеями и всепобеждающим джазом на морском берегу примусь за сей, мало кому потребный «мемуар», в котором в иных местах лишь пот да слезы, беда да подлость, густо замешанные на госстрахе, то есть жути, которую может навести на нас с вами самый страшный и многоликий временами монстр по имени Власть. В этом смысле тут тоже триллер – и почище выдуманного. Впрочем, немедля поправлю сам себя. Во-первых, никакой это не «мемуар», потому что писатели чистых мемуаров практически не пишут. Их пишут преимущественно отставные политики, генералы и лицедеи с коммерческими спортсменами и мошенниками. А во-вторых, задача моих заметок не столько просветительская, сколько провокационно-побудительная. Через них я хотел бы потревожить у нашего люда почти что атрофированный сладкими телегрезами нерв любознательности, пробудить желание узнать, а затем и написать историю своей семьи, а уж через нее – коллективную, подробную и самую правдивую историю своей страны. И будьте уверены – по написании таких частных исследований непременно народятся истинные патриоты, не те базарно-хамовитые, с услужливо согбенными спинами и вечным одобрямсом, а прямые и честные, которые, может, и слова такого – патриот – произносить не будут, но с которыми в державе нашей станет светлей и чище.

С Богом!

Глава I
«Откуда есть пошли…»

Рано или поздно этот вопрос задают себе все. Не каждый на него отвечает, но задают все. Чаще всего это бывает, когда люди разглядывают пожелтевшие от времени фотографии из семейного альбома. Вот это кто такой сурьезный с усами и шашкой на боку? А это что за красавица-смуглянка в шляпе со страусиным пером?

На подобных фотографиях меня всегда поражали более всего не наряды или позы, а лики людей, дышащие чистотой и благородством. С той стороны картона на тебя смотрели чаще всего тургеневская Ася или чеховский Гуров. Верно, многие из них были не без греха, но свой грех они выстрадали и отмолили, что и пропечатано было особой меткой на лице, прибавившей тому смиренного достоинства. Они, эти лица, будто озарялись каким-то внутренним светом, рожденным неумолчным ратоборством человека с самим собой – самим тяжким и очистительным ратоборством.

Теперь, когда после известной рекомендации власти, доверчивый и лояльный к любым правителям народ наш вдруг принялся вслед, а чаще всего и не вслед, употреблять по крайней мере в речах своих такое сильнодействующее слово, как «патриотизм», хочется по случаю высказаться тоже, тем паче, что само существо этих заметок весьма близко к этой теме.

Чувство любви к Родине не приходит к человеку с молоком матери. Оно, это чувство, есть результат постоянных, упорных и чаще всего незримых усилий как самого человека, так и его окружения.

Я с сомнением и неприязнью отношусь к пропагандистским манипуляциям, в основе которых не воспитание любви к Отчизне, а культивирование некоей гордости за свою державу, либо в силу ее исторических заслуг перед человечеством, либо просто от того, что она – твоя.

Начнем с того, что гордость в известной степени для христианина, тем паче православного, сама по себе греховна, ибо является основой гордыни. Да и к тому же привносится это чувство в человека преимущественно в обстоятельствах чрезвычайных, вроде войны или иных напастей.

Видимо, поэтому многие известнейшие литераторы и философы почитали патриотизм не благом для духовного развития человека, а злом. Дальше всех в этом неприятии пошел – кто бы вы думали? Да «наше все» – Лев Николаевич Толстой!

Если я сейчас воспроизведу здесь те гневные слова, которые он в свое время написал о «казенном» патриотизме, то неровен час, что какая-нибудь безумно бдительная депутатка яровито возбудит против нас с Львом Николаевичем уголовное дело, которое наши чуткие к властным запросам судьи враз доведут до обвинительного приговора. Графу-то что – он посмотрит на всю эту мутату из своего великолепного небытия и усмехнется, а мне, как «пособнику распространителя порочащих измышлений», припаяют теперь уже классическую «двушечку», и ходи доказывай потом, что ты не верблюд…

И все же при всем моем уважении к Толстому мне в этом смысле ближе и роднее Пушкин с Лермонтовым, которые вообще старались обходиться без такого слова, как патриотизм. И вместе с тем первый в нескольких строках представил нам сущность патриотического чувства, а второй столь же гениально показал, насколько оно сложно и подчас противоречиво.

Вот Пушкин:

«Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».

А это Лермонтов:

«Люблю Отчизну я, но странною любовью…»

Я не буду воспроизводить здесь полный текст этого стихотворения, названного Михаилом Юрьевичем «Родина». Вы его сами почитайте лучше, а, читая, обратите внимание на то обстоятельство, когда поэт, говоря о своей любви к родине, вдруг признается: «Люблю – за что, не знаю сам…» А потом включите телевизор, и там вам за двадцать семь секунд популярно и доходчиво объяснят, за что надо любить родину, причем, объяснят детально – с именем, фамилией, явками и паролями…

Удивляться тут нечему: гении русского духа воспринимали патриотизм как возвышенное, глубоко личностное чувство, а поденщики из «ящика» деловито строят вас в шеренги, вручая каждому по наспех сляпанному детскому флажку. Образно говоря, разница между истинным и «казенным» патриотизмом примерно такая же, как между вашей матушкой, ожидающей вас в ситцевом платочке у окошка, и Родиной-матерью, монументально и сурово стоящей на высокой горе…

Не скрою – публикуя эти заметки, я надеюсь на то, что они положат начало массовому движению в нашем умиротворенном до зевоты обществе. Надежда эта, честно сказать, слабая, но случаются же иной раз чудеса, а там, глядишь, кто-нибудь из медийных персон захочет покопаться в своем семейном прошлом, да там и пропагаторы (по Достоевскому) примутся расхваливать это дело…Вот ходил же лет пять в безведении «Бессмертный полк» то тут, то там, пока кто-то сверху не заметил очевидную его полезность, и теперь в одночасье почти вся страна вышла на площади с портретами своих героических отцов и дедов, нередко забывая, правда, при этом просто сходить к ним на могилы, просто прибраться там и молча, без гордой позы посидеть-подумать, склонив голову…

Скажу сразу: воссоздание родословных – дело сложное, энерго– и материально затратное. Но если вы сбросите по малой толике и привлечете к работе технологически продвинутую свою молодежь, то особого урона бюджету не заметите. Зато заметите другое – пробуждение интереса к истории, потепление нравов и взаимоотношений даже с самыми вредными родственниками… Много кой-чего заметите.

Буду рад, если это издание в чем-то поможет кому-то.

Глава II
История

Оговорюсь сразу: речь в этих заметках пойдет исключительно о калачевско-астраханской ветви рода Лузиковых, о прямой моей родне. В Астрахани многие из них оказались не по своей воле (а по чьей, вы узнаете в свое время), но мощная эта ветвь рода нашего начиналась именно здесь, в месте на берегу залива Дона, которое в разные годы называлось по-разному: станица Пятиизбянская, хутор Калачевский, Старый Калач и, наконец, просто город Калач-на-Дону. И вместе с тем у меня есть все основания превратить одним росчерком пера калачевско-астраханскую ветвь в сугубо астраханскую, ибо прародители этой ветви, братья Степан и Лукьян Лузиковы, жили и производили потомство будучи жителями Астраханской губернии, основанной Петром I в 1717 году. По его царскому указу в эту супергубернию помимо прочих входил и Царицын с окрестностями. Но так как астраханцы в большинстве своем люди деликатные и дружелюбные, то говорить мы будем все же окалачевск о-а страханской ветви рода Лузиковых и начнем с самого Калача.

Основано это поселение было в 1708 году. А вот что писали «Донские епархиальные ведомости» в 1882 году. Там сказано еще следующее: «Один из жителей станицы Пятиизбянской майор Михаил Денисов в 1776 году просил у Преосвященного разрешения построить в хуторе отца его Ильи Денисова Калач церковь, а на первый раз часовню и образовать около нее из хуторских жителей новый приход».

Позднее в 1869 году здесь была построена Николаевская (в честь Святителя Николая Чудотворца) церковь – однопрестольная, деревянная, с деревянной же колокольней и оградой. Строилась она на народные средства. В 1896 году там появился новый алтарь и увеличена трапезная. Ранее же, в 1892 году были пристроены два придела: с северной стороны – во имя святого великомученика Пантелеймона, а с южной – во имя Трех Святителей.

Также была в Калаче единоверческая церковь, построенная из дерева в 1893 году в честь Успения Божьей Матери. Здесь окормлялась основная часть калачевцев, бывших преимущественно старообрядцами.

Перед Первой мировой войной и до закрытия в конце 1929 года настоятелем в единоверческой церкви был Александрин Мартин Спиридонович, рукоположенный Его

Высокопреосвященством Афанасием, архиепископом Донским и Новочеркасским.

Таким образом, по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 года в Калаче было две деревянные церкви, церковно-приходская школа, построенная купцом и промышленником Кравченко, и свечной церковный заводик. Все это было закрыто большевиками в период с октября 1929 по февраль 1930 годов.

Следует еще отметить, что ко второй половине 19 века хутор Калач условно был поделен на Забарачный-(Старый) и Новый или Ново-Калачевский.

И еще кое-что из истории. По данным за 1837 год в хуторе Калачевском насчитывалось 85 дворов, а через два десятка лет – уже 110, с населением 447 человек. В хуторе была своя пристань.

Есть несколько легенд относительно названия хутора или станицы Калачевской. Мне по душе такая: Петр I во время одной из своих поездок по югу России остановился здесь на ночлег, и местные казаки помимо прочего угостили его калачом. Императору калач тот очень понравился, и он повелел отныне называть хутор Калачевским, чтобы, мол, на всю империю слава о таких калачах разнеслась…

Конечно, это легенда, но, согласитесь, красивая, да и весьма правдивая.

Ранее я упомянул вскользь о старообрядцах, так продолжая эту важную тему, скажу, что на Дону старообрядцы появились во второй четверти 17 века. Массовый же приход их сюда произошел после утверждения Павлом I в октябре 1880 года знаменитых «Пунктов о единоверии», которыми предписывалось ведение церковной службы по канонам старообрядчества с подчинением православных священников.

В это время начали появляться единоверческие церкви, куда переходили целыми семьями, что нашло отражение в метрических книгах. Кстати, в староверческих метрических книгах обязательно указывалось место рождения, а в графе о родителях допускалось наличие незамужней матери, чего не было ни в православной, ни в единоверческой церкви.

Говоря о роде Лузиковых, мы говорим прежде всего о старинном казачьем роде. И тут возникает вопрос: а кто такие казаки, и откуда они появились на Дону? Исследователи пока не дали на этот вопрос единого и точного ответа. Да, бежали от притеснений, да, были вольнолюбивы, да, снялись с мест после раскола… Но как быть с тем, что многие из пришлых имели тюркские корни? Были отменными воинами, мореходами? Разумеется, казачество возникло не в 17 веке, а много раньше.

Возможно, что и на Дону казаки с тюркскими корнями существовали до прихода сюда русских, украинцев, поляков…

Вопрос этот для меня не праздный, так как касается он одного очень важного исторического персонажа, армяно-российско-персидского купца Григория Матвеевича Луз(с)икова (Lusikov). Он был старшиной армянской торговой компании в Персии (Джульфинской), и фамилия его значилась в челобитной царю Алексею Михайловичу (отцу Петра) о разрешении свободного провоза товаров через Россию. В результате в мае 1667 года на свет появилась «Жалованная грамота», дарованная царем Джульфинской торговой компании, и был заключен договор с Ордин-Нагцекиным, при участии которого почти сразу же началась подготовка к строительству первого русского военного парусного корабля «Орел» – опять же по просьбе купца Луз(с)икова. «Орел» призван был охранять торговые пути на Каспии, построен он был в Подмосковье (в Астрахани тогда «гулял» Стенька Разин), но самое главное заключается в другом: именно на «Орле» во время перехода из села Дединово в Астрахань впервые был поднят наш нынешний триколор в качестве государственного российского штандарта!

Пока что не могу с уверенностью причислить именитого армяно-персидско-российского купца Григория Матвеевича Луз(с)икова к нашему роду Лузиковых, но поиски в этом направлении продолжаются. В них помимо нас участвуют наши коллеги из Ирана и Армении. Хотя, с другой стороны, новейшие исследования английских ученых позволили им недавно сделать вывод, что все однофамильцы как или иначе являются родственниками. Впрочем, подождем немного, а уж тогда расскажем подробно увлекательнейшую историю не только строительства «Орла» в 1667–1668 годах, но и о попытке его реконструкции в Астрахани в конце «нулевых» годов 21 века, к которой я имел самое непосредственное отношение…

Глава III
Фамилия

Лузиковы безусловно принадлежат к одной из самых старых фамилий в российской истории. Я, к примеру, ставя себе задачу, как можно глубже проникнуть в толщу веков, натолкнулся там, в этой толщи, на тверского боярина Эрнеста Лузикова, обитавшего на белом свете в 1547 году. Желающие удостовериться в этом могут покопаться в реестре поселения Волынь. Любопытные все-таки вещи иногда происходят: и боярин Лузиков – тверской, и великий наш путешественник Афанасий сын Никитин – тоже тверской! Ну да ладно, я ни на что не намекаю…

Вместе с тем, в отличие от некоторых именитых российских родов Лузиковы никогда не были в услужении у сановных особ, то есть не отметились в истории ни в роли постельничих, ни в роли сокольничих, ни в других «почетно» холуйских ролях, коими теперь не перестают умиляться и даже гордиться иные представители нашей творческой интеллигенции.

Повторяю: «Лузиковы были преимущественно казаками, а казаки, по крайней мере, в былые времена власти хотя и служили, но без раболепия и пресмыкания».

Любопытен фоносемантический анализ фамилии Лузиковы. Она имеет пять из 25-ти, но главных и ярко выраженных фоносемантических признаков: нечто большое, величественное, хорошее, громкое, сильное.

Что же касается происхождения этой во всех смыслах достойной фамилии, то существует несколько версий. Если предположить, что фамилия была образована от «лузик», получится следующее: так в старых новгородских говорах называлась ложка или хлебалка. Это как бы очень внушительных размеров намек на то, что обладатель фамилии Лузиков имел отношение к изготовлению или продаже кухонной утвари. А, может, просто любил покушать, всегда имея при себе «лузик»…

Есть вариант, что фамилия Лузиков произошла от «лузать», «лузгать», то есть очищать от скорлупы, оболочки. В этом случае первый Лузиков, возможно, был мельником. Или суперправедником, который смог очистить себя от всяческой скверны.

Еще одно объяснение переносит нас во Владимировскую губернию и представляет слово «лузь» – так здесь и прежде, и теперь именуют луг. А вот уже в Пскове «лузь» означает нечто иное, а именно «чистое место, прогалину на заросшем озере».

Если углубиться в лингвопсихологический анализ, то может статься, что Лузиковы были чем-то вроде светлого места в темном царстве. Это не я, это народ придумал…

Ну, и для любителей экзотики предлагаю такую версию: «luzikka(lussikka)» у карелофиннов означало «ложка». Как ни крути, а при всей своей высокой духовности потрескать (так на Дону в казачьей среде говорили о процессе потребления пищи) Лузиковы любили, видимо, во все времена.

Глава IV
Род

И вот теперь мы подходим к главному – попытке воссоздать реконструкцию рода Лузиковых от незапамятных времен до нынешних дней. Говорят, что каждый правоверный мусульманин должен знать своих родных не менее, чем из 7 поколений, еврей – из 9. Нам удалось пока воссоздать 12 поколений калачевско-астраханских Лузиковых, Уверен, что это не предел. Не исследована еще докалачевская история, а также армяно-персидский «след». Очень надеюсь на то, что, если не мы, так или Максимка, или (хотелось бы особо) мой внук Алексюшка, самый младший из рода Лузиковых, которому теперь лишь восемь месяцев, или Ярослав объявят торжественно миру, что предок наш имел прямое отношение к истории появления русского державного стяга, и ежегодно в день Российского Флага фамилию Лузиков будут поминать в стране нашей добрым словом.

Предлагаемая сегодня реконструкция рода Лузиковых есть результат кропотливой работы многих людей, в том числе профессиональных архивистов и историков из Астрахани, Волгограда, Ростова-на-Дону и Москвы.

Особо хочу отметить, что архивные тексты не были подвергнуты редакторской обработке, полностью сохранены их стилистика и орфография с пунктуацией.

Признаюсь, временами, читая эти тексты, я наслаждался чистым, свежим, еще не замутненным русским языком. До чего же великолепно одно это «сквернематерно»! Как же наглядно в этом неожиданном сочленении двух слов проявилось целомудрие русского человека – да, грубого, да, неуклюжего, да, частенько пьяного, но душой-то светлого, ибо только чистый помыслами человек посчитает необходимым дать дополнительную оценку какому-то неприличному явлению, тем самым усилив его неприятие. Не просто выразился матерно, аскверно (то есть, плохо) матерно! Браво, русский язык, и трижды браво, русский дореволюционный мужик!

Засим, к делу.

Родословная роспись: потомки казаков Лузиковых (реконструкция)

Поколение 1

1. Лузиков… (До 1690)

Родители братьев Лузиковых Степана и Лукьяна, от которых ведется данная родословная, документально не установлены. Все иные упоминаемые здесь Лузиковы ст. Пятиизбянской являются потомками Степана и Лукьяна.

Поколение 2

2. Лузиков Степан (Около 1712)

Отставка Донскаго Войска казакам 1770-го года.

| № | Казаки и их имена | Сколько от роду лет | Ис каких чинов | Время вступления в службу | Когда, где со вступления в службу в походах и у дела был против неприятеля, и в которое время | Грамоте читать и писать умеет ли | Кто был в фергерах и кригсрехтах и штрафах, по каким делам и что кому учинено | Кто женат или холост и сколько у себе мужеска полу детей, и коликих лет и где находятца | Зачем в службе по осмотру войскового атамана с старшинами и докторами быть не способен |

Пятиизбянской:

Степан Лузиков | 58 | из казачьих детей | 723 | на Царыцинской линии, под Озовом, под Кубаном, до Днестра, под Хатиным, у размежевании с турками земель, в Кизляре, до Пскова, до Бойволы, в Прусии до окончания всей войны, в Кизляре | не умеет | не бывал | женат, имеет двух сынов: первого Силивана состоящего в казаках, второго Перфила 16-ти лет | за старостию, и что глазами мало видит |

[РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 117. Д. 58. лл. 1–7; лл. 174 об. – 175]

3. Лузиков Лукьян (Около 1720)

Список сочиненной Войска Донскаго в войсковом гражданском правительстве отставленным в 1775-м году от службы казакам с показанием кто и за какою невозможностью.

| № | Казаки и их имена | Сколько от роду лет | Ис каких чинов | Время вступления в службу | Кто, где со вступления в службу в походах и у дела против неприятеля был, и в которое время | Грамоте читать и писать умеет ли | Кто был в фергерах и криксрехтах, штрафах, по каким делам, и что кому учинено | Кто женат или холост, и сколько у себе мужеска полу детей, и коликих лет, и где находитца | Зачем по осмотру войскового наказного атамана с присутствующими судьями и лекарями кто в службе быть не способен |

Пятиизбянская станица
1357. Лукьян Лузиков
Сколько от роду лет: 55
Ис каких чинов: из казачьих детей
Время вступления в службу: с 750.
Кто, где со вступления в службу в походах и у дела против

неприятеля был, и в которое время: в Кизляре дважды, в Вязьме и Драгобуже, до Днепра и в ныне оконченной Турецкой компании в Первой армии

Кто был в фергерах и криксрехтах, штрафах, по каким делам, и что комуучинено: не бывал

Грамоте читать и писать умеет ли: не умеет Кто женат или холост, и сколько у себе мужеска полу детей, и коликих лет, и где находитца: женат имеет сынов Гаврила 20, Терентея 11, Трафима 9, Ефима 7, Ивана 3, Лазаря 1 года

Зачем по осмотру войскового наказного атамана с присудствующими судьями и лекарями кто в службе быть не способен: за старостью и дряхлостью.

[РГВИА, ф. 52, он. 1/194, д. 93, ч. 2].

1792 года марта 10 дня. По Указу Ея Императорского Величества, войска Донского, в войсковом гражданском правительстве слушав дело о следуемых Пятиизбянской станицы жителям обидах по которому значит.

Рапортами оная Пятиизбянская станица представила начально 786 года марта 4-го числа.

В том же первом рапорте станица представляет живущим де на речке Карповой по ниже лога Ванюкова хуторами казакам Дмитрию Кубанцеву с товарищи генерал майора и кавалера Денисова жена в тех местах где оне до построения слободы его имели довольствие оное иметь возбранят и из них у Кубанцева с приказания оной жены генерал майора Денисова Марины Денисовой на кошенное им на своей жалежи сто копен сено забрато, да у Лукьяна Лузикова двадцать копен на кошенное от хутора его версты в полторы и осокореваго дерева шеснатцать пластин забрато малороссианами онаго Денисова, у Сазона Мардовкина пахотную зяпь за сеели, у Лариона Купецкова пшеничной загон за сели житом.

Лукьян Лузиков 786 года оного генерал майора и кавалера Денисова крестьянин Яков живущий во вновь заводимом при Кривой музге хуторе свесу него Лузикова на рубленной им близ хутора его Лузикова в куте разстоянием на полверсты осокоревой лес шеснатцать платин, да там же в урочище Кривой музги Мариновской слободы, малороссианин Потелка, а как звать не знает которой находяща в бегах, свез накошенной им Лузиковым стог в дватцать копен сена на господское гумно якобы с приказания госпожи Денисовой, так же распахиваемый им Лузиковым еще до заселения Мариновской слободки пашня неподалеку от оной слободы состоящий перепахал малороссианин Павел не знает как прозывается два загона, и хотя он Лузиково тех обидах оного генерал майора Денисова жене

доносил но она не сделав ему Лузикову удовольствие запретила чтобы он в тех местах как близ слободы ее состоящих сена не косил и пашен не рапахивал.

Вышеупомянутой Господина Генерала Майора и Кавалера Денисова человек Семен Горскин, рапортом правительству 791-го года октября от 18-гочисла полученным здесь тогож году ноября 2-го числа представил, по требованию Под полковника Якова Табунщикова для показания против представленной от Пятиизбянской станицы прозьбы оказанных якобы от преписных Господина Его малоросиян и крестьян обидах явствуемых в хлебопашестве, сенокошения и протчем определен был он от жены Господина Генерала Майора Денисова Марины Денисовой поверенным, с тем чтоб на все требованияего Табунщикова делать изъяснения, почему он Горскин явясь к нему Табунщикову, был с ним на речке Царицы узимовых господина Его Хутор, где Пятиизбянской Станицы казаки Денис Трухин и Лукиян Лузяков прикащика онаго господина его Лукияна Агаева, урекая начально якобы он в воду загнал девушку терин рвавшую и что он в том непризнается, при подполковнике Табунщикове обругали его сквернематерно разными словами, а по переходе от оной на речку Карповку по выходе из Мариновки подъехав к нему Горскину Сотник Сафон Лактионов не знает почему сказал ему Горскину вашде Господин, служит только себе честя заслуживает, то он Горскин отвечал конечно сему правда а на печи сидящия ничего ни себе ни обществу не заслуживают, то оной Лактионов назвал его Горскина каналью, начал ругать сквернематерно и к нему ж пресовокупясь Есаул Степан Татаринов, Старики Игнат Еланцев, Лукиян Лузяков, Судья Дмитрий Семи-онов, Максим Слепов, Михаила Сафонов, и другия бывшые оной Станицы окружив Его Горскина ругали всякими сквернематерными словами, он спужавшись дабы и боем его понапрасну не изувечили выскочив объявил о сем подполковнику Табунщикову порутчику Илье Протопопову Голубинской Станицы Казаку Егору Васильеву и Харунжему Аверьяну Фирсову недалеко от того места бывшем и после того как он Горскин будучи тем обществом не спроведливо из обличаемой и по напрасну обруганной, по требованию его Табунщикова ни к чему ни смел приступить а по обиде двоекратно обществом причиненной ему подал от сибя ему Табунщикову объяснение, кое он приняв по разсмотрении при порутчике Протопопове не знает почему на клачки порвал, на что он Горскин просит от правительства резолюции.

Поколение 3

4. Лузиков Селиван Степанович (Около 1741)

Список Войска Донскаго казакам отставленным от службы, учинен войска Донскаго Гражданскаго правительства 1786 г. Пятиизбянской станицы

1146. Селиван Лузиков

Сколько от роду лет: 45

Сколько лет из каких чинов: из казачьих детей

Время вступления в службу: с 767.

Где поступил в службу, в походах, с которого времени: в Первой армии, в Москве

Холост или женат: женат имеет трех сынов 1 служилого, 10, 7 лет

Зачем по осмотру войсковым атаманом с присутствующими судьями и лекарями кто в службе быть не способен: за животной болезнею от которой живот опухает

[РГВИА, ф. 52, он. 1, д. 385а].

5. Лузиков Перфил Степанович (Около 1754)

[РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 117. Д. 58. л. 175]

6. Лузиков Гаврил Лукьянович (Около 1755)

[РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2].

7. Лузиков Терентий Лукьянович (Около 1764)

[РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2].

8. Лузиков Трофим Лукьянович (Около 1766)

9. Лузиков Василий Лукьянович (1767)

1767 года генваря дня книга данная из Медведицкаго духовнаго правления ведомства онаго правления Пятиизбянской станицы Николаевской церкви священнику Трифону Максимову на записку нынешнаго 1767 года дворянских духовных и мирских чинов разночинцов со означиванием званей отечества прозвания також месяца числа когда кто родился крещен браком сочетался и погребен и каковых лет и сколько незаконнорожденных и подкидышей також убитых на драках воровствах разбоях и в пьянстве умерших и кто при том свидетели люди неподозрительные если о том значит ниже сего именно:

№ число часть первая о родившихся

в 767 м году родилось в апреле 12 у казака Лукьяна Лузикова сын Василей крещен 15 числа

[ГАРО, ф. 803,оп. 1, д. 488 Метрическая книга Николаевской ц. Пятиизбянской ст. за 1767 г., л. 1 об.]

10. Лузиков Ефим Лукьянович (Около 1768)

7 января 1794 г. в списке подписавшихся… Пятиизбянской станицы казаков кои повинуютя богу и повелению ЕЯ Величеству войскового гражданского правительства по долгу присяжной должности быть благонамеренными: вместо казаков Григория, Ивана, Василия, Родиона Линьковых, Еремея

Торговкина Лаврена Картанова, Ефима Лузикова, Ивана Лысова, с рукоподанной их прозьбы подписался

Петр Попов. [ГАРО, ф. 341,оп. 1, д. 163, л. 183 об.]

11. Лузикова Евдокия Лукьяновна (1768)

1768 года генваря дня Книга данная из Медведицкаго духовнаго правления ведомства онаго правления Пятиизбянской станицы Николаевской церкви священнику Трифону Максимову на записку нынешнего 1768 года дворянских духовных и мирских чинов разночинцов со означиванием званей отечества прозвания також месяца числа когда кто родился крещен браком сочетался и погребен и каковых лет и сколько незаконнорожденных и подкидышей також убитых на драках воровствах разбоях и в пьянстве умерших и кто притом свидетели люди неподозрительные если о том значит ниже сего имянно: часть первая о родившихся 1768 году родилось в августе 4 у казака Лукьяна Лузикова дочь Евдокия крещена 6 числа того ж месяца[ГАРО, ф. 226, оп. 19, д. 640 Метрическая книга Николаевской ц. Пятиизбянской ст. за 1768 г., л. 18 об.]

12. Лузиков Иван Лукьянович (Около 1772)

[РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2].

13. Лузиков Лазарь Лукьянович (Около 1774)

[РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2].

Поколение 4

14. Лузиков (?) Селиванович (До 1768)

15. Лузиков Матвей Селиванович (Около 1776)

16. Лузиков (?) Селиванович (Около 1779)

17. Лузиков Андрей Селиванович (До 1784)

Поданы генваря 3-го числа 1801-го года № 46

1800 года генваря 1-го дня книга данная из Черкаска-го Духовнаго правления Петиизбянской станицы Николаевской церкви священнику Михаилу Яковлеву на нынешней 1800-й год, в которую записывать со означением года и числа прихода ево людей, а именно: 1-е = младенцов законно и незаконно прижитых подкидышев – рождение, крещение со именованием родителей и восприемников; и который младенцы не получив Святаго Крещения померли, и зачем те младенцы того крещения не получив в тож самое время.

2-е = лица браков сочетаемый. 3-е = умершых с покаянием, и погребенных по христианской должности, а ежели кто не погребен – зачем именно не получил христианскаго погребения, убитых на драках, в воровствах, разбоях, в пьянстве умершым и удавившымся, а притом всем умершым мужеска пола людем показывать лета.

Часть вторая бракосочетавшыхся:

№ Кто именно в 1800-м году повенчан.

1. Отрок казачей сын Андрей Селиванов Лузиков со вдовою казачью женкою Евфимиею Ивановою полубрачныя

При венчании кто были свидетели.

Казак Федот Цыновки, казачья женка Евфимия Егупова и Наталья Комогорова

[ГАРО, ф. 226, он. 1, д., л. 375–375 об.]

18. Лузиков Кирей Селиванович (Около 1789)

19. Лузиков Яков Селиванович (Около 1793)

Супруга: Лузикова (Короткова) Акулина Ивановна, продолжительность жизни: 65.

уп. 19 апреля 1865 г. в показаниях казака Василия Васина в

деле об убийстве в х. Ново-Калачевском неизвестными злодеями казачьих жен Акулины и Татьяны Лузиковых: приказный х. Ново-Калачевского 34 лет под присягою: 16 ч. сего апреля,т. е. в пятницу утром, по восходу солнца, казаки Назар Чемитев и Федор Агуреев дали мне знать, что на Новом хуторе в доме казака Никиты Лузикова открыты убитые в смерть две женщины: мать Лузикова Акулина и жена его Татьяна и кроме сего ушиблена сильно дочь Никиты 6-летняя девочка Елисавета; уп. 21 апреля 1865 г. в показаниях урядника Емельяна Иванова Гуреева: на Фоминой неделе в пятницу часов в 10 утра, жена казака Ивана Еланцева Павла Кондратьева прибежав к окну моего дома, просила меня скорее одеться и выйти к ней. Вышедши к Еланцевой, она сказала: «пойдем поскорей, наших сватов Лузиковых побили», я сейчас же взяв соседа моего казака Ивана Васина, пошли с ним в дом Лузиковых, по входе в который, в передней комнате увидели лежавшую на кровати убитую старуху Акулину, а в другой комнате, так же убитую невестку ее Татьяну, лежащую тоже на кровати. Обои они были в крови. Около старухи, на лавке, стояли прислоненные к стене два образа, снятые со стены. Причина снятия их вероятно была та, что злодеи искали за иконами деньги. Возле убитой сидела на кровати дочь ея Елисавета, у которой около рта запекшаяся кровь; я спросил ее так Лизушка, кто убил матерю твою, она ответила: «Бог»… подозрение в убийстве женщин я и прочие хуторяне вывели на казаков Ульяна Короткова, Антона Короткова, Илью Фрисанфова Еланцева и вольноотпущенного есаула Гусева Николая Демьянова ибо все эти люди весьма дурного поведения, и сотоят ныне под судом за разные воровства; кроме сего пало подозрение и на казака Маркея Ляпилина по доведенному до кухни его следу и потому, что Ульян Коротков был у Ляпилина за недолго пред происшествием, но они ли совершили злодеяния, я не знаю. К сему дополняю, что дом покойных Лузиковых слыл богатым и слышно было будто убитая ныне старуха Акулина Лузикова имела много у себя денег.

[ГАРО, ф. 272, он. 1, д. 130, л. 70; л. 94, 94 об.]

20. Лузиков Алексей Терентьевич
(До 1798-До 1838)

21. Лузиков Сергей Терентьевич (До 1806)

Приговор

1853 года Сентября 2 дня Войска Донскаго Пятиизбян-ской станицы из числа 300 человек граждан имеющих в настоящем году право голоса 264 челов. наличные, выслушав жалобу

сограждан своих жительствующих в станице и хуторах Кумовском и Березовском, что этой же станицы Есаул Степан Денисов по крайнему нас стеснению самопроизвольно занял и устроил себе среди юртоваго леса по балке Грушовой кроме гумна еще зимовник заключающийся в малой землянке с большим пристроем; А как в окрестностях той балки производится означеными жителями хлебопашество и не смотря на то, что в настоящее время еще совершенно не собрать…хлеб… Постановили… Г. Денисова…подвергнуть законной ответственности, о чем ему правление обязано…объявить. Приговор этот как составленный нами в присутствии станичных правителей по внимательном обсуждении… утверждаем нашим подписом. Подлиный подписали: Есаул Дмитрий Церковников, Есаул Варфоломей Ветошкин, Сотник Павел Секретев, Сотник Петр Ляпичев, Урядник Леон Барсов, Урядник Ермилов, Депутаты: Карп Карагичев, Петр Братухин, Парамон Дербенцев, Осип Гуреев, Иван Головлев, Пимон Махин, а по неграмотству их и за себя подписали Урядник Турченков, Урядник Антюфеев, Понтилей Горин, Кондратий Блинцов, Сергий Лузиков…

[ГАРО, ф. 249, он. 1, д. 3973, л. 510–513]

22. Лузиков Яков Иванович (Около 1792)

Дело о передержательств раскольнического попа Николая Баршова в хуторах ст. Пятиизбянской:

На вспросе Заседателю Есаулу Антонову нижеписанные люди Станицы Пятиизбянской показали:

1842 г. Января 2-го дня,
Жители х. Калачевского
Казак Яков Лузиков 49 лет грамотной.

Минувшего 1841 года в ноябре месяце, точно в хуторе нашем Калачевском был Старообрядческий поп, по имяни Николай, а по прозванию неизвестный. Он в хуторе нашем совершал браки, крещение и другие священные требы, пробыл не больше трех суток; ездил в хутор Березовской и Ильевской, ивозвратившись оттоль в наш хутор отправился, как говорил он, в местожительства город Саратов; с ним был великороссийской породы человек мне неизвестный, и с ним он возвратился. Во время нахождения у нас в хуторе упомянутого Попа, безотлучными были при нем казаки: Ефим Семионов и Христон Еланцов. Сколько ими собрано за исправление оным попом треб денег, я не знаю, и не известно мне куда они из израсходывали; потому что общество хуторское об употреблении ими оных денег отчета от них не требовало; Если же они показали, что ими какая

сумма собрана, то должно полагать, что объявлено ими справедливо, ибо Священник тот был в хуторе нашем короткое время. В эту у нас бытность приезжал в хутор наш Сыскной начальник Есаул Хохлачев, что быв у меня в доме квартирою, и побыв как полагаю, с час времени поехал в нашу Пятиизбянскую Станицу; почему он не делал никакого распоряжения на задержание оного попа, мне неизвестно. Приказные хутора нашего казаки: Еланцов и Коротков, точно были наказаны палками бывшим станичным Атаманом Старшиною Васильевым, но за что именно объяснить не могу, показав правду, и в том подписуюсь, Казак Яков Лузиков.

[ГАРО, ф. 272, оп. 2, д. 22, л. 39 об.-40; л. 219 об.-220; л. 608, лл. 807–808]

23. Лузиков Степан Лазаревич (До 1827)

Именной список Господам Штаб и Обер Офицерам, Урядникам и казакам, поступившим начально при составлении Донского казачьего № 37 полка в 1846 г.: казак Пятиизбянской ст. Лузиков Степан… [ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 666, л. 147]

Именной список Донского казачьего № 37 полка состоящим на лицо посотенно, Декабря 28-го дня 1851 г.:

3-й сотни казак Пятиизбянской ст. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 666, л. 193]

Поколение 5

24. Лузиков Калина Матвеевич (До 1819)

казак Пятиизбянской ст., 24 мая 1838 г. казак в именном сп. Воинским чинам поступившим в состав Дкп № 8 командированного в Грузию [ГАРО,ф. 344,оп. 1, д. 434, л. 104]

25. Лузиков Иван Андреевич (Около 1840)

казак Пятиизбянской ст.; Именной список казакам 2 Отдела войска Донского, поступившим в состав Донского казачьего № 3 Жеребкова полка командированного в Одесский военный округ, 11 июня 1869 г.:30 лет, из казачьего звания; в службу вступил 1 января 1858 г.; какого поведения: аттестуется; в штрафах и наказаниях не был; все собственное кроме винтовки. Винтовка 14 р. 22 к. [ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 1348,л. 328 об.– 329]

26. Лузиков Моисей Андреевич (Около 1842)

казак Пятиизбянской ст., в службу вступил 1 января 1861 г., из казачьих детей, 13 мая 1863 г. Именной список казакам 2 Военного Округа, поступившим в состав Донского казачьего № 29 Можарова полка, командированного в г. Вознесенск, 22 лет. Аттестуется, в штрафах и наказаниях не был, все исправное.

[ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 1078, л. 327 об. – 328]

казак Пятиизбянской ст., в службе с 1861 г.; недостаток большого пальца, во внутренне-пешей службе с 25 сентября 1870 г., 29 лет [ГАРО, ф.344,оп. 1, д. 1568, л. 398 об., 399]

27. Лузиков Иван Кириллович (Около 1823)

Именной список Господам Штаб и Обер Офицерам, Урядникам и казакам, поступившим начально при составлении Донского казачьего № 37 полка в 1846 г.: казак Пятиизбянской ст. [ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 666,л. 146 об.] уп. без отчества

Именной список Донского казачьего № 37 полка состоящим на лицо посотенно, Декабря 28-го дня 1851 г.:

3-й сотни казак Пятиизбянской ст. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 666, л. 193] уп. без отчества

казак Пятиизбянской ст., в службу вступил 1 января 1842 г., из казачьих детей; Февраля 25 дня 1855 г. Именной список казакам, поступившим из2-го Военного Округа, в состав полка № 65, командируемого с Дону в Крым, 33 лет; Аттестуется, в штрафах не был, все исправное, конь в 30 р. сереб. Списки эти представлены при рапорте Окружного Генерала 2-го Округа от 18 марта 1855 г. № 851, который приобщен к нарядному делу.

[ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 730, л. 117 об. – 118]

казак Пятиизбянской ст., в службе с 1852 г.; в сп. воинским чинам II Военного округа служившим на Кавказе и участвовавшим в делах с горцамикому следует установленные кресты и медали за покорение Западного Кавказа, казак Дкп № 22, награжден крестом, ныне при Войске [ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 1114, л.606 об.]

28. Лузиков Никита Алексеевич (1822)

уп. в показаниях Меркула Терентьева Лузикова: 25 июня 1838 г. казак Пятиизбянской ст. 49 лет, из казачьих детей вера старообрядческая, грамоту мало знает: воспитаника своего Никиту Алексеева оказавшимся родившимся в 1822 г. решил оженить я повенчанием чрез Старообрядческого попа Василия на дочери казака Тихона Косолапова Татьяне, следуя примеру одной со мной станицы жителей… на речке Быстрой [ГАРО, ф. 272, оп. 1, д. 34, л. 223 об.]

казак Пятиизбянской ст., 11 января 1850 г. Список Донского казачьего Краснова 2 № 6-го полка, казакам поступившим в состав оного при выступлении с Дону 1845 г.; 11 января 1850 г. Список Донского казачьего Краснова 2 № 6-го полка воинским чинам выбывшим из оного по разным случаямс 10-го мая 1845 по 11-е Генваря 1850 года: Поступлении в комплект Артиллерийских №№ 1-й,

2-й и 6-й батарей в 1848 г. [ГАРО,ф. 344, оп. 1,д. 597, л. 295 об, л. 315] уп. без отчества

получен 22 марта 1858 г. Рапорт Сотника Петра Ляпичева:… 1851 г. За малозначительную порубку юртового леса взыскал с Казаков: Игната Егорова, Кирея Семио-нова, Агафона…кова, Егора Короткова, Никиты Лузикова14 руб. 28 коп. и жителей х. Зрянина 40 руб. серебром, но деньги эти к Станичной сумме не приобщил, а после этого оставил у себя.

[ГАРО, ф. 249,оп. 1, д. 3973, л. 2; л. 55; л. 56 об.; л. 95, 95 об.;98 л. 147, 147 об., 148; л. 347, 347 об.]

29. Лузиков Фирс Сергеевич (Около 1818)

казак Пятиизбянской ст., из казачьих детей, в службу вступил 1 января 1837 г., 15 мая 1842 г. Именной список казакам, поступившим из II-го Военного Округа в состав Донского Казачьего Круликовского № 2 полка, командируемого в Бессарабию, 25 лет. Аттестуется. В штрафах и наказаниях по суду и без суда не был. Все исправное. [ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 433, л. 11 об. – 12]

казак Пятиизбянской ст., 1856 г. в Именном списке нижним

чинам Донского казачьего № 20 полка, поступившим при составлении оного; октября дня 1856 г. общий именной список Гг. штаб и обер офицерам и нижним чинам Донского казачьего № 20 полка, прибывшим в оном на Дон, казак. [ГАРО,ф. 344,оп. 1, д.836, л. 18; л. 61 об.]

30. Лузиков Степан Сергеевич (Около 1820)

Журнал судебных заседаний 6 участка декабря 1843 г.:

Объяснение казака Якова Басова:

казак Яков Басов – в 1843 г… станичному писарю уряднику Илье Попову не косил, а в 1844 г. когда он с х. Калачевского был выстребован с казаком одного с ним хутора с ним хутора Степаном Лузиковым для перевозки займища станичного для плодовых жеребцом сена то что тогда привозили они уряднику Попову по приказанию его из станичного запаса сена.

Объяснение казака Степана Лузикова – то же, что и казак Яков Басов.

Объяснение урядника Ильи Попова – военный писарь урядник Илья Попов, казаки Яков Басов и Степан Лузиков в 1843 г. действительно из станичного сена привозили ему два воза, а взамен занятых у него по приказанию бывшего Атамана Курнакова казаком Варфоломеем Коротковым, для скорма плодовых жеребцов.

[ГАРО, ф. 705,оп. 1, д. 30, л. 3 об.-5 об.; л. 14 об.; л. 34–35]

31. Лузиков Ларион Яковлевич (До 1820)

казак Пятиизбянской ст., 24 мая 1838 г. казак в именном сп. воинскимчинам поступившим в состав Дкп № 8 командированного в Грузию [ГАРО,ф. 344,оп. 1, д. 434, л. 104

32. Лузикова Анна Яковлевна (До 1826)

33. Лузиков Фетис Яковлевич (Около 1829)

Именной список казакам, поступившим из 2 – го Военного Округа в состав Донского казачьего № 34 полка, командируемого в Бессарабию казак Пятиизбянской станицы, в службу вступил 1 января 1848 г., из казачьих детей; 18 мая 1852 г. в, 24 лет. Аттестуется. В штрафах и наказаниях не был.

[ГАРО, ф. 344, он. 1, д. 684, л. 154 об. – 155]

34. Лузиков Иван Степанович (Около 1842)

35. Лузиков Степан Степанович (1852)

сын казака [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 12748 Николаевская ц. ст.

Пятиизбянской за 1852 г., дети раскольников рожденные от незаконного брака своих родителей, л. 958 об.]

Поколение 6

36. Лузиков Семен Калинович (Около 1830)

казак Пятиизбянской ст., Список воинским чинам Донского казачьего № 15полка, поступившим в комплект оного при выступлении в 1850 г. [ГАРО,ф. 344,оп. 1, д. 837, л. 20 об.]

37. Лузиков Филипп Калинович (Около 1836)

казак Пятиизбянской ст., из казачьих детей; в службе с 1 января 1856 г.; 15 мая 1863 г. казак Дкп № 32 Леонова командируемого в г. Бобруйск, 27 лет.; в сп. воинским чинам II Военного округа служившим на Кавказе и участвовавшим в делах с горцами кому следует установленные кресты и медали за покорение Западного Кавказа, казак Дкп № 76, награжден крестом, ныне в Дкп № 32; чахл и ослаб, во внутренней пешей службе с 4 декабря 1866 г.: лесничим с 1 января 1868 г. по 1 января 1869 г., 34 лет [ГАРО, ф. 344,on. 1, д. 1568, л. 387 об., 388; д. 11114, л. 608; д. 1074, л. 126 об.]

38. Лузиков Арест Иванович (1852)

[ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 12748, л. 976 об.]

39. Лузиков Евстрат Иванович (Около 1864–1928)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 54 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 89]

40. Лузиков Артем Никитич (Около 1842)

казак Пятиизбянской ст., из казачьих детей; в службе с 1 января 1862 г.; 13 мая 1863 г. казак Дкп № 30 Полякова командируемого в г. Могилев, 21 лет. [ГАРО, ф. 344,оп. 1, д. 1074, л. 52)

41. Лузикова Ульяна Никитична (1854)

дочь казака [ГАРО, ф. 226, оп. 19, д. 653 Николаевская ц. ст. Пятиизбянской за 1854 г., дети раскольников рожденные от незаконного брака своих родителей, л. 173 об.]

42. Лузиков Ульян Никитич (До 1856)

43. Лузикова Елизавета Никитична (Около 1859)

уп. 19 апреля 1865 г. в показаниях казака Василия Васина в деле об убийстве в х. Ново-Калачевском неизвестными зло днями

казачьих жен Акулины и Татьяны Лузиковых: приказный х. Ново-Калачевского 34 лет под присягою: 16 ч. сего апреля, т. е. в пятницу утром, по восходу солнца, казаки Назар Чемитев и Федор Агуреев дали мне знать, что на Новом хуторе в доме казака Нититы Лузикова открыты убитые в смерть две женщины: мать Лузикова Акулина и жена его Татьяна и кроме сего ушиблена сильно дочь Никиты 6-летняя девочка Елисавета [ГАРО, ф. 272,оп. 1, д. 130, л. 70]

44. Лузиков Меркул Фирсович (Около 1851)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 67 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 152]

45. Лузиков Корней Фетисович (Около 1858)

[ГАВО, ф. 121,оп. 1, д. 6, обр. сторона документа]

Приказ по Войску Донскому № 11 от 8 января 1880 г.: Список казакам переписи 1877 г. выбранным на укомплектование Донских гвардейских полков 1881 г. и причисленных к армейским полкам 3 очереди: Пятиизбянской ст. Карней Лузиков. [Приказы ВД]

Приказ по Войску Донскому № 241 от 28 августа 1881 г.:

Список чинам гвардейских полков исключенных из Гвардии в войско по болезням, казаки зачисленные на укомплектование Гвардейских казачьих полков: Пятиизбянской ст. Карней Лузиков перепись 1877 г. [Приказы ВД]

6 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Старого Калача имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 59 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 175]

46. Лузиков Петр Фетисович (Около 1868)

6 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Старого Калача имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 50 лет [ГАРО, ф. 861, оп. 1,д. 82, № 183]

Поколение 7

47. Червакова (Лузикова) Мария Филипповна (Около 1876)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам поселения самой ст. Пятиизбянской имеющим право избирать кандидатов на Войсковой Круг, 42 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 296]

48. Лузиков Абрам Филиппович (Около 1878–1932)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам поселения самой ст. Пятиизбянской имеющим право избирать кандидатов на Войсковой Круг [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 302]

49. Лузиков Иван Арестович (Около 1874)

8 августа 1918 г. в сп. избирателей ст. Пятиизбянской, 44 года. [ГАРО,ф. 961,оп. 1, д. 82]

50 Лузиков Федор Арестович (1880–1930)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам поселения самой ст. Пятиизбянской имеющим право избирать кандидатов на Войсковой Круг, 32 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 247] Сп и с о к

Воинских чинов бывших 45 Донского казачьего пешего полка вошедших на сформирование во 2-й Донской казачий пеший полк.

4-я Сотня

152. подхор. Лузиков Федор Ерастов [ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 4, л. 61–61 об.] казак Пятиизбянской ст., перепись 1899 г.; 1919 г. подхорунжий 5-й сотни 2 Донского казачьего пешего полка и полкового транспорта. [ГАРО, ф.46, оп. 8, д. 4, л. 22 об., 43 об.]

СПИСОК

бывших офицеров 2-го Донскогоокруга

Составлен 27 мая – 15 июня 1920 г.: Лузиков Федор Ерастович, сотник, ст. Голубинская. [ГАВОф. 290, оп.1, д. 180]

Калачевское гнездовое семеноводческое товарищество, договор 25 января 1929 г. Пятиизбянское с/х кооперативное товарищество по животноводству «Новый быт» при п. Пятиизбянке, в лице председателя Антонова Михаила Львовича и члена правления Лузикова Федора Ерастовича. [ГАВО, ф. 6566,оп. 1, д. 21,л. 65]

Заседание Пятиизбянского с/с 1929 г. за № 39: Лузиков Федор Ерастович 48 лет. ж. Фекла Потаповна 48 л., служил у белых в чине хорунжего. [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 133, л. 3].

1930 г. уп. в си. лиц лишенных избирательного права по Пятиизбянскомйс/с, 1880 г.: бывший палач-террорист-офицер [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 129, л. 1]

Под стражей при Сталинградском ИТД с 22 сентября 1930 г. Из обвинительного заключения от 1 октября 1930 г.: житель ст. Пятиизбянской… беспартийный, в союзе не состоит, русский, образование низшее, хлебороб, из семьи имеет жену 45 л., из имущества пару быков, в старой армии служил вахмистром, у белых также, в Красной армии при оружейной мастерской. До и после революции занимался хлебопашеством. Под судом со слов был за убой скота, но оправдан. Член к-р. организации. Обвиняемый виновным себя не признал. Заседанием тройки П.П. ОГПУ по Н.-В. Краю от 3 ноября приговорен к заключению в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет. Бездетны, воспитывали дочь Ивана Ерастовича Лузикова Надежду. [УФСБ ВО, д. 13166 пф, т. 2, л. 155, 157; сообщение Поповой П.С.]

В конце 1929 года в станице Пятиизбянской организовывалось к-р. повстанческое ядро состоящее главным образом из зажиточных казаковв прошлом и настоящем недовольных Советской властью. Организаторами этого ядра, а в дальнейшем руководителями были бывшие белые офицеры реэмигранты МОГУТИН Евлампий и ЕГОРОВ Василий.

Ядро это было связано с окрестными хуторами; (Лысов, Зрянин)где имелись также к-р. Групки аналогичных от главного ядра целями.

На хуторе Лысове группку возглавлял обв. АЛЕКСАНДРИН Иван Ильич – в прошлом активный белогвардеец, эмигрант, а в настоящем хуторской спекулянт, промышлявший перкупкой и перепродажей скота. Помимо него по хутору Лысову в к-р. организации состояли КОЗЛОВ Григорий Васильевич, ЛУЗИКОВ Федор Орестович, по П-Избянке: КОЗЛОВ Агафон Иванович, ТУРЧЕНКОВ Михаил Петрович, МОГУТИН Лев Григорьевич, СИТНИКОВ Константин Елисеевич, ЕГОРОВ Агафон Потапович, СИСЕКИН Иван Трофимович, БОГАЕВ Моисей Иванович, КАРАЧУНОВ Иван Афанасьевич, АЛЕКСАНДРИН Гавриил Ильич, ВОРОЖЕЙКИН Венедикт Осипович и по хут. Кумовскому ЛЕОНТЬЕВ Никифор Кириллович.

Организация имела ввиду реставрировать тот порядок, который известен был в 18 г. под названием «Донской автономии» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ближайшей задачей считались организация отряда для вооруженной борьбы с Советской властью. Искалась связь с единомышленниками из других населенных пунктов с одной стороны для позаимствования опыта в подготовке к восстанию, а

с другой для координирования своих открытых выступлений с другими отрядами, т. к. группа еще не объединена, хотя все были единодушны в оценке необходимости активной борьбы с Советской властью. Персональная ответственность обвиняемых по данному делу выражается:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 65.

Заседания тройки П. П. ОГПУ по Н.-В. Краю от 3-го ноября 1930 года

СЛУШАЛИ:

Дело № -4163, по обвинению:

АЛЕКСАНДРИНА Ивана Ильича и других в числе 7-ми человек,

по ст. 58 п. 11 УК.-

ПОСТАНОВИЛИ:

1. АЛЕКСАНДРИНА Ивана Ильича – РАССТРЕЛЯТЬ.
2. КОЗЛОВА Агафона Ивановича – РАССТРЕЛЯТЬ.
3. КОЗЛОВА Григория Васильевича – РАССТРЕЛЯТЬ.
4. КАРАЧУНОВА Ивана Афанасьевича – РАССТРЕЛЯТЬ.
5. БОГАЕВА Моисея Ивановича – РАССТРЕЛЯТЬ.
6. МОГУТИНА Льва Григорьевича – РАССТРЕЛЯТЬ.
7. СИТНИКОВА Константина Елисеевича – РАССТРЕЛЯТЬ, Выписка верна: Секретарь тройки ПП – (Ильин)

АКТ 1930 г. ноября 21 г. Сталинград 20-го под 21 XI-1930 в 1 час был произведен в исполнение приговор…через расстрел. Исполнение приговора производилось в 7-ми км от города, трупы зарыты на глубине 21/2 метров.

СЕКРЕТНО.

Э К З. №_.

44-у-95_с-б0.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПРЕЗИДИУМА СТАЛИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

г. Сталинград 26 мая 1960 года.

Президиум Сталинградского областного суда в составе: Председательствующего – ЯНИНА,

Членов – КОПЫЛОВА, ПЕТРОВА, ГОЛОДОВА, с участием прокурора области – СЕЛИВЕРТОВА, заслушав по докладу члена президиума КОПЫЛОВА уголовное дело по протесту прокурора области на постановление тройки ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю от 3 ноября 1930 года, по которому:

1. АЛЕКСАНДРИН Иван Ильич, 1880 года рождения, уроженец и житель х. Лысова, Калачевского района, русский, беспартийный;

2. КОЗЛОВ Агафон Иванович, 1875 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки, Калачевского района, русский, беспартийный;

3. КОЗЛОВ Григорий Васильевич, 1887 года рождения, уроженец и житель х. Лысова, Калачевского района, русский, беспартийный;

4. КАРАЧУНОВ Иван Афанасьевич, 1895 года рождения, уроженец х. Пятиизбянки, Калачевского района, русский, беспартийный;

5. БОГАЕВ Моисей Иванович, 1892 года рождения, уроженец и житель х. Пятииизбянки, Калачевского района, русский, беспартийный;

6. МОГУТИН Лев Григорьевич, 1885 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки, Калачевского района, русский, беспартийный;

7. СИТНИКОВ Константин Елисеевич, 1882 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки, Калачевского района, русский, беспартийный – все семь человек осуждены к расстрелу.

8. ЛУЗИКОВ Федор Орестович, 1880 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки Калачевского района, русский, беспартийный;

9. ВОРОЖЕЙКИН Венидикт Осипович, 1884 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки, Калачевского района, русский, беспартийный – оба осуждены к 10 годам заключения в ИТЛ;

10. АЛЕКСАНДРИН Гаврил Ильич, 1905 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки Калачевского района, русский, беспартийный;

11. СИСЕКИН Иван Трофимович, 1900 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки Калачевского района, русский, беспартийный;

12. ЕГОРОВ Агафон Потапович, 1889 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки, Калачевского района, русский, беспартийный – все трое осуждены к 8 годам заключения в ИТЛ;

13. ЛЕОНТЬЕВ Никифор Кириллович, 1883 года рождения, уроженец х. Кумовского Калачевского района, русский, беспартийный – осужден к 5 годам заключения в ИТЛ;

14. ТУРЧЕНКОВ Михаил Петрович, 1879 года рождения, уроженец и житель х. Пятиизбянки Калачевского района, русский, беспартийный – осужден к 5 годам заключения в ИТЛ условно.

Осужденные признаны виновными в том, что они являются членами повстанческой организации в Калачевском районе и проводили антисоветскую агитацию. Протест внесен на отмену

постановления тройки за необоснованностью осуждения названных лиц. Выслушав заключение прокурора области, поддерживающего протест, президиум находит протест обоснованным. Допрошенные по делу свидетели ЦЕНДРОВСКИЙ И.С., ЕВСЕЕВ С.П.ТУРЧЕНКОВА А.С., ЛЕБЕДКИНА С.Д., ГУСЕВ П.В., ЦЕНДРОВСКАЯ Н.А. и другие в антисоветской деятельности никого из осужденных не уличают и о существовании повстанческой организации показаний не дали. В подтверждение существования повстанческой организации и причастности к ней осужденных органы следствия ссылались на показания осужденных по делу АЛЕКСАНДРИНЫХ, СИСЕКИНА и ЕГОРОВА, которые, якобы, свою вину полностью или частично признали и уличают других, которые вину ни в чем не признавали. Однако данная ссылка органов следствия на показания названных осужденных как на доказательства обвинения лишена оснований, так каких показания не содержат данных о существовании повстанческой организации.

Осужденный АЛЕКСАНДРИН И.И. на первых двух допросах о повстанческой организации ничего не показывал. На третьем же допросе заявил, что его младший брат говорил ему о существовании организации, не указав, где она была, кем создана, что ею сделано и кто является ее участниками. Показания АЛЕКСАНДРИНА И.И. явно беспредметны, и из их не видно, что он свою вину признал. Между тем органы следствия указывали, что он вину свою частично признавал. Осужденный АЛЕКСАНДРИН Г.И. назвал членами организации 12 человек, не приведя источник, из которого ему стало известно об этом, не указав конкретных фактов антисоветской деятельности каждого, а также из его показаний не видно, что он свою вину признавал. Названные АЛЕКСАНДРИНЫМ участниками организации СИСЕКИН, МОГУТИН, ВОРОЖЕЙКИН и СИТНИКОВ его показания не подтвердили, вину свою ни в чем не признавали. Беспредметными являются и показания осужденных СИСЕКИНА и ЕГОРОВА, которые нельзя признать в достоверные доказательства.

Из анализов материалов дела видно, что осужденные были привлечены к ответственности исключительно по подозрению, основанному лишь на том, что многие из них служили в белой армии и были выходцами из кулаков. Изложенные в обвинительном заключении обстоятельства не соответствуют материалам дела, в подтверждение их доказательств не приведено и вывод органов следствия является чисто предположительным.

По указанным мотивам, и руководствуясь Указом

Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года,

ПОСТАНОВИЛ:

Постановление тройки ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю от 3 ноября 1930 года в отношении:

1. АЛЕКСАНДРИНА Ивана Ильича,
2. АЛЕКСАНДРИНА Гаврила Ильича,
3. КОЗЛОВА Агафона Ивановича,
4. КОЗЛОВА Григорий Васильевича
5. ЛУЗИКОВА Федора Орестовича – отменить и дело производством прекратить за недоказанностью предъявленного им обвинения.

То же постановление тройки в отношении:

6. КАРАЧУНОВА Ивана Афанасьевича,
7. БОГАЕВА Моисея Ивановича,
8. ВОРОЖЕЙКИНА Венедикта Осиповича,
9. СИСЕКИНА Ивана Трофимовича,
10. ЕГОРОВА Агафона Потаповича,
11. ЛЕОНТЬЕВА Никифора Кирилловича,
12. МОГУТИНА Льва Григорьевича,
13. СИТНИКОВА Константина Елисеевича, и
14. ТУРЧЕНКОВА Михаила Петровича – отменить и на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР дело производством – прекратить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ПРЕЗИДИУМА СТАЛИНГРАДСКОГО ОБЛСУДА

51. Голкина (Лузикова) Анна Нистратовна
(Около 1878-Около 1918)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Зеленовского ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 40 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 164]

52. Лузиков Алексей Артемович (Около 1861)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 57 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 135]

53. Лузиков Григорий Артемович
(Около 1868–1923)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 50 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 97]

54. Лузиков Евдоким Ульянович

(Около 1866–1931)

Приказ по Войску Донскому № 327 от 31 июля 1887 г.: Список казакам 1885 переписи выбранным на укомплектование Гвардейских казачьих полков 1889 г. причисленных к армейским полкам 3-й очереди: Пятиизбянской ст. Евдоким Лузиков. [Приказы ВД]

55. Лузиков Яков Ульянович (Около 1869)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Колпачевского ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 49 лет [ГАРО, ф. 861, оп. 1, д. 82, № 198]

56. Лузиков Мартин Меркулович (Около 1869)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 49 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 145]

57. Лузиков Иван Меркулович (Около 1873)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 45 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 111]

58. Лузиков Михей Меркулович (Около 1882)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 36 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 155]

59. Лузиков Калина Меркулович (Около 1891)

казак 5-й сотни 4 Донского казачьего графа Платова полка, награжден георгиевском крестом 4-й степени № 316872, день совершения подвига 10 августа 1915 г. [Сообщение Бирюкова С.В. со ссылкой на: РГВИА, ф. 50058,оп. 1]

60. Лузиков Еремей Корнеевич (Около 1874)

6 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Старого Калача имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 44 лет, мобилизован [ГАРО,ф. 861,оп. 1, д. 82, № 180]

Дело № 28 28 сентября 1921 г. Списки граждан хуторов живого и мертвого инвентаря Пятиизбянского Станисполкома 2 Д.О.

СПИСОК

заложников ст-цы Пятиизбянской 2 дон Округа: 50 л., место жительство: х. Калач; социальное положение: средник. [ГАВО ф. 121,оп. 1, д. 3, л. 110]

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: отец главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с; 1872 г., на поруках у Горшениной Екатерины, жена Горшенина. [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

Выселен из пределов Края. (Архангельск) [ГАВО ф. 469,оп. 1, д. 31, л. 9]

61. Ляпичева (Лузикова) Ирина Корнеевна (Около 1884)

6 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Старого Калача имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 34 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 174]

62. Лузиков Дмитрий Корнеевич (1891)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: глава семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с, 1891 г.[ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

Выселенные из пределов Края. (Архангельск) [ГАВО ф. 469,оп. 1, д. 31, л. 9]

63. Лузиков Лука Корнеевич (Около 1892)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: глава семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с, 1891 г. [ГАВО, ф.468,оп. 1, д. 3]

Выселенные из пределов Края. (Архангельск)

64. Лузикова Евдокия Корнеевна (Около 1895)

65 Лузиков Семен Корнеевич (1897–1969)

уп. 1930 г. в сп. кулацких хозяйств ликвидированных в районе по Калачевскому с/с, 1897 г., глава семьи: ликвидирован 15 апреля 1930 г. [ГАВО, ф. 468, оп. 1, д. 21, л. 35]

Выселенные из пределов Края. (Архангельск)

Поколение 8

66. Егорова (Голкина-Лузикова) Федосья Афанасьевна (1900–1980)

67. Фомичева (Голкина-Лузикова) Наталья Афанасьевна (1902–1982)

68. Козлова (Лузикова) Ефимия Алексеевна (1885)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 29 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 137]

69. Сенякина (Лузикова) Ирина Алексеевна (1904)

70. Лузиков Иван Григорьевич (1903–1942)

малограмотный; погиб в РККА [Приморский с/с, похозяйственная кн. 1944–1946 гг.х. Колпачки] призван Ворошиловским РВК, Сталинградская обл., г. Сталинград, Ворошиловский р-н, красноармеец стрелок 9 Арм. 1125 СП 335 СД. Убит 4 февраля 1942 г.

71. Лузиков Антон Григорьевич (1906–1982)

72. Лузиков Ивлий Григорьевич (1908–1943)

1908. г., х. Черкасов, красноармеец. Пропал без вести в июле 1943 г. [КПВО, Калачевский р-н, с. 68]

73. Лузиков Василий Григорьевич (1909–1943)

Пропал без вести в июле 1943 г. [КПВО, Калачевский р-н, с. 68]

74. Лузиков Федор Евдокимович (1882)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Зеленовского ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 32 лет [ГАРО,ф. 861,оп. 1, д. 82, № 74]

75. Лузиков – (?) Мартинович (Около 1891)

8 августа 1918 г. в сп. гражданам х. Черкасова ст. Пятиизбянской имеющим право избирать и быть избираемыми в Войсковой Круг, 27 лет [ГАРО, ф. 861,оп. 1, д. 82, № 147]

76. Лузикова Прасковья Михеевна (Около 1924)

77. Лузиков Василий Калинович (1920)

78. Лузиков Петр Еремеевич (Около 1896)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: сын главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с; на поруках у Золотарева Петра [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

79. Лузиков Тимофей Еремеевич (Около 1897)

уп. 1923 г. в Списке вновь избранных членов советов, хуторов станицы Пятиизбянской 2-го Донского округа: название хутора: х. Старый Калач; возраст: 26; партийность: б/п; образование: домашнее; имуществ. положение: средняк; [ГАВО, 121, оп.1, д. 9]

Выселенные из пределов Края. (Архангельск) [ГАВО ф. 469,оп. 1, д. 31, л. 9]

80. Лузикова Лукерья Еремеевна (1914)

81. Ляпичева (Лузикова) Федосья Ивановна (Около 1906–1997)

Отец: Ляпичев Иван Степанович, мать: Ляпичева (Лузикова) Ирина Корнеевна.

82. Лузиков Константин Дмитриевич (1916)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: сын главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., [ГАВО,ф. 468,оп. 1, д. 3]

83. Лузикова Александра Дмитриевна (1920)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: дочь главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с, 1920 г.; на поруках Лузиковой Пелагеи [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

84. Лузикова Евдокия Дмитриевна (1927)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: дочь главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с, 1927 г. [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

85. Лузиков Матвей Лукич (1922)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: сын главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с, 1922 г., на поруках у Вихлянцева С.М. [ГАВО, ф.

468,оп. 1, д. 3]

86. Ситников (Лузиков) Григорий Семенович (Около 1918–2000)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: сын главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с; 1918 г., на поруках у Короткова Митрофана [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

Отец: Ситников Тимофей Зотович (Лузиков Семен Корнеевич), мать: Короткова Евдокия Митрофановна, место: х. Старый Калач.

87. Ситникова (Лузикова) Евдокия Семеновна (1921–2009)

уп. 1930 г. в сп. кулацких хозяйств ликвидированных в районе по Калачевскому с/с, дочь главы семьи

[ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 21, л. 35]

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: дочь главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с; 1921 г., на поруках у Короткова Митрофана [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

Отец: Ситников Тимофей Зотович (Лузиков Семен Корнеевич), мать: Короткова Евдокия Митрофановна, место: х. Старый Калач.

88. Ситникова (Лузикова) Анастасия Семеновна (1922)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: сын главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., Калачевский с/с; 1923 г., на поруках у Короткова Митрофана [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

Отец: Ситников Тимофей Зотович (Лузиков Семен Корнеевич), мать: Короткова Евдокия Митрофановна, место: х. Старый Калач.

Поколение 9

89. Егорова (Лузикова) Ирина Степановна (1920)

90. Егоров (Лузиков) Александр Степанович (1923–1995)

91. Козлов (Лузиков) Василий Трофимович (1915)

уп. в Алфавитной книге на кулацкие хозяйства Калачевской РОК: сын главы семьи, раскулачены 15 марта 1930 г., 1914 г. [ГАВО, ф. 468,оп. 1, д. 3]

92. Сенякина (Лузикова) Агриппина Федоровна (1925)

93. Сенякин (Лузиков) Агафон Федорович (1926)

член с/х артель им. Кирова: 1926 г., сын; читает пишет; тракторист; с23 февраля 1944 г. В РККА [Ильевский с/с; похозяйственная 1943–1945 гг.]

94. Сенякина (Лузикова) Пелагея Федоровна (1929)

95. Сенякина (Лузикова) Мария Федоровна (1933)

96. Лузиков Павел Иванович (1931)

97. Лузиков Александр Иванович (1940)

98. Пчелина (Лузикова) Лина Антоновна (1923)

образование неполное среднее; счетовод, служащая д/о «Калач-Дон». [Калачевский с/с, похозяйственная кн. 1973–1975 гг., п. Дом Отдыха]

99. Лузикова Василиса Антоновна (1927–2002)

100. Лузиков Василий Антонович (1936–2003)

101. Лузиков Алексей Антонович (1950)

102. Лузикова Клавдия Ивлиевна (1932–2004)

103. Лузикова Анна Ивлиевна (1936)

104. Лузикова Полина Федоровна (1904)

105. Горшенина (Лузикова) Мария Прокофьевна (1935)

Отец: Горшенин Прокофий Давыдович, мать: Лузикова Лукерья Еремеевна.

106. Вострodымова (Лузикова) Татьяна Ефимовна

107. Вострodымов (Лузиков) Григорий Ефимович

108. Лрьков Александр Федорович (1918–1971)

Отец – Лрьков Федор, мать – Лузикова Евдокия Корнеевна
Жена – Арькова Василиса Павловна, дети – Виктор, Василий, Павел

109. Лузиков Петр Тимофеевич (1923–1944)

Отец – Лузиков Тимофей Еремеевич, мать – Лузикова Татьяна Сидоровна

110. Полоусова (Лузикова) Екатерина Тимофеевна (1927–2015)

Отец – Лузиков Тимофей Еремеевич,
мать – ЛузиковаТатьяна Сидоровна
Муж – Полоусов Иван Максимович,
дети – Владимир, Сергей

111. Лузиков Тимофей (Тихон) Тимофеевич (1929–2012)

Отец – Лузиков Тимофей Еремеевич,
мать – Лузикова Татьяна Сидоровна
Жена – Лузикова (Дроздова) Галина Григорьевна,
дети – Елена, Татьяна

Поколение 10

112. Никитин Юрий Анатольевич (1946)

Отец – Никитин Анатолий Александрович, мать – Никитина (Ситникова-Лузикова) Евдокия Тимофеевна (Семеновна)

Жена – Никитина (Кудрявцева) Людмила Павловна, дети – дочь Елена, внуки – Алена, Алексей.

113. Арьков Виктор Александрович (1948)

Отец – Арьков (Лузиков) Александр Федорович, мать – Арькова Василиса Павловна.

114. Арьков Василий Александрович (1950)

Отец – Арьков Александр Федорович, мать – Арькова Василиса Павловна.

115. Полоусов Владимир Иванович (1952)

Отец – Полоусов Иван Максимович, мать – Полоусова (Лузикова) Екатерина Тимофеевна, жена – Лариса, дочь – Анастасия.

116. Арьков Павел Александрович (1955–2011)

Отец – Арьков Александр Федорович, мать – Арькова Василиса Павловна.

117. Ситников Владимир Георгиевич (1955)

Отец – Ситников (Лузиков) Георгий (Григорий) Тимофеевич (Семенович), мать – Ситникова (Аврорская) Алевтина Александровна.

Жена – Ситникова Наталья, дети – Александр, Тимофей, внук Максим.

118. Полоусов Сергей Иванович (1956)

Отец – Полоусов Иван Максимович, мать – Полоусова (Лузикова) Екатерина Тимофеевна.

Жена – Полоусова (Покусаева) Надежда Владимировна, дети – Ксения, Алексей, внуки – Никита, Ярослав, Арина, Андрей, Алена.

119. Лузикова Елена Тимофеевна (1957)

Отец – Лузиков Тимофей (Тихон) Тимофеевич, мать – Лузикова (Дроздова) Галина Григорьевна, дети – сын Тимофей.

120. Лузикова Татьяна Тимофеевна (1963)

Отец – Лузиков Тимофей (Тихон) Тимофеевич, мать – Лузикова (Дроздова) Галина Григорьевна, сын – Петр.

Поколение 11

121. Никитина Елена Юрьевна (1971)

122. Арьков Николай Викторович (1971–2005)

123. Арькова Наталья Васильевна (1973)

124. Аксенова (Арькова) Елена Викторовна (1973)

125. Ситников Александр Владимирович (1979)

126. Полоусова Анастасия Владимировна (1979)

127. Арьков Виталий Васильевич (1980)

128. Кадыкова (Полоусова) Ксения Сергеевна (1981)

129. Полоусов Алексей Сергеевич (1982)

130. Лузиков Тимофей Владимирович (1982)

131. Лузиков Петр Александрович (1989–2004)

132. Ситников Тимофей Владимирович (1990)

Поколение 12

133. Никулина (Арькова) Раиса Николаевна (1995)

134. Аксенова (Арькова) Аксиния (1999)

135. Арькова Кристина Николаевна (2000)

136. Арькова Дарья (2001)

137. Никитина Алена Владимировна (2003)

138. Кадыков Никита Алексеевич (2004)

139. Кадыков Ярослав Алексеевич (2008)

140. Полоусова Арина Алексеевна (2009)

141. Арьков Артем (2010)

142. Арьков Владислав (2012)

143. Полоусов Андрей Алексеевич (2012)

144. Ситников Максим Александрович (2014)

145. Кадыкова Алена Алексеевна (2015, июнь)

146. Данилов (Никитин) Алексей Владимирович (2015, ноябрь)

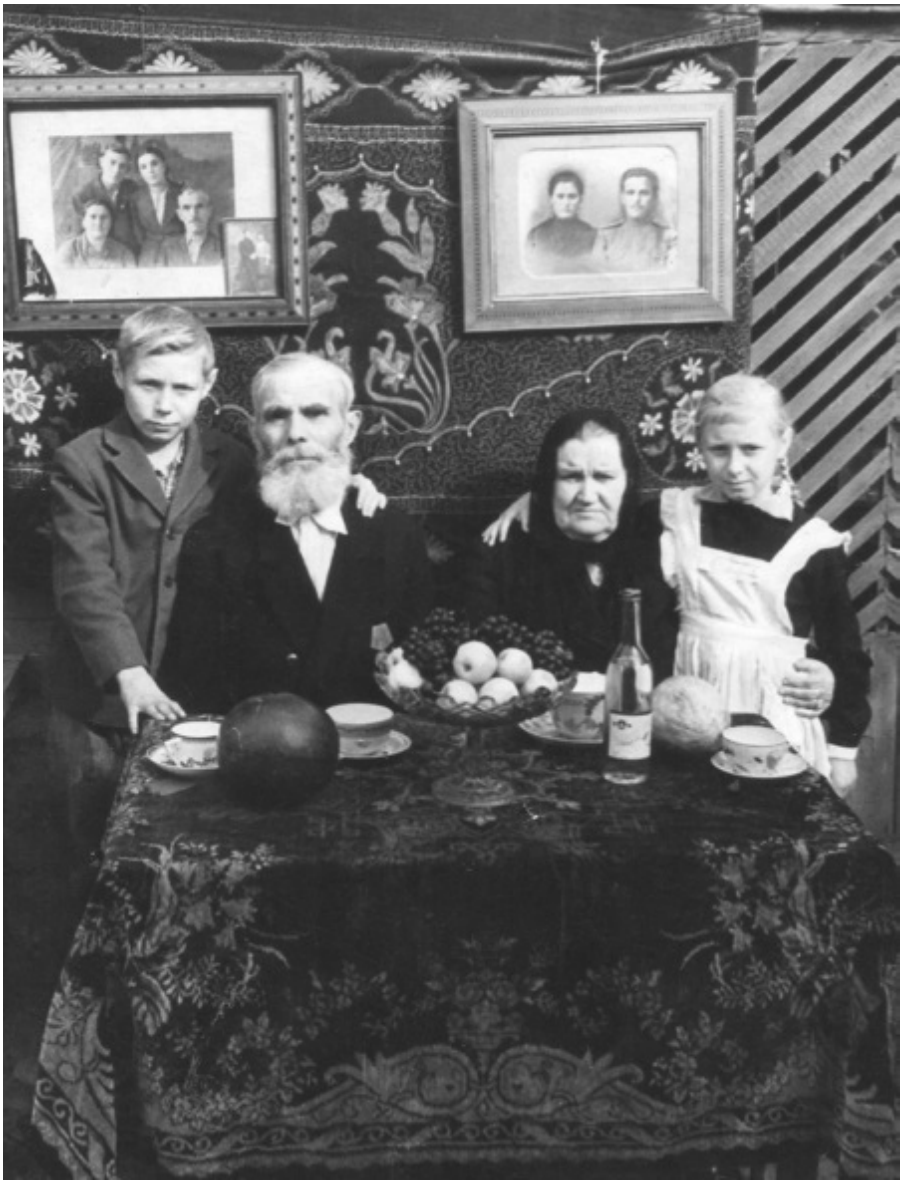
Дата построения отчета: 01.09.2016

«Кулаки» Лузиковы за два дня до ссылки с родственниками и друзьями. Калач, март, 1930 г.

Нижний ряд слева направо: Семен Корнеевич, в центре – Корней Фетисович, Дмитрий Корнеевич, Лука Корнеевич Верхний ряд: Коротков Митрофан Иванович, третий слева – Тимофей Еремеевич

Атаман Сидор, отец Татьяны Сидоровны Лузикоеой, со свитой

Лука Корнеевич Лузиков (Панов) с женой Фетиньей и сыном Матвеем



А вот у них уже и внуки подросли…

Дорофей Егорович Востродымов с супругой Пелагеей

Евдоким Корнеевна и Ирина (Арина) Корнеевна Лузиковы

Лузиковы в Калаче в начале 30-х годов.

В центре верхнего ряда – двенадцатилетняя Евдокия Лузикова (Никитина)

Семейство Лузикова Семена Корнеевича, Калач, 1929 г.

То же семейство, но под фамилией Ситникова Тимофея Зотовича в годы войны, Астрахань

А это глава семейства в конце 60-х гг.

А это глава семейства в конце 60-х гг.

Он же с супругой Евдокией Митрофановной и одесской подругой дочери Анастасии Марией Ивановной Трухниной (в центре)

Георгий Ситников и Матвей Панов: Лузиковы под чужими фамилиями

Георгий Ситников с женой Алевтиной и сыном Владимиром

«Давай закурим, товарищ, по одной!»

В центре – Григорий Лузиков (Георгий Ситников) с друзьями. Астрахань, конец 30-х гг.

Георгий Ситников и Константин Лузиков

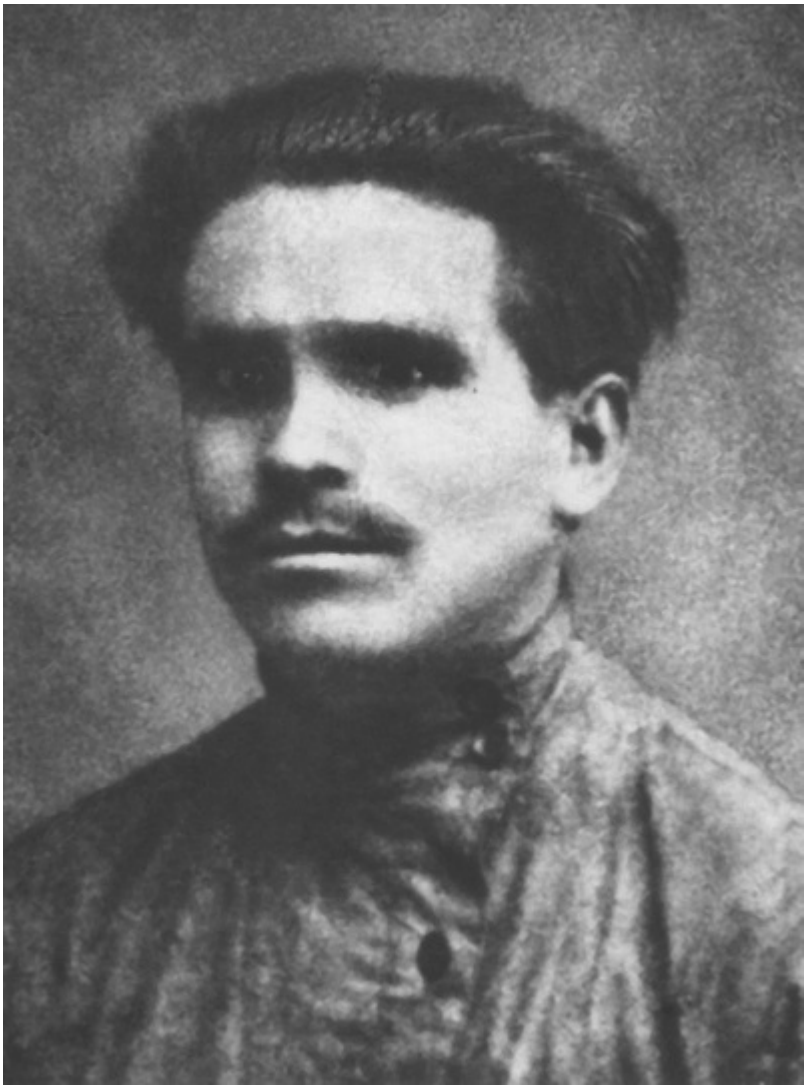
Георгий Ситников в госпитале после тяжелого ранения. 1943 г.

«Хорошо сидим!» 14.06.1955.
День рождения сына и внука Володи

Евдокия Митрофановна Ситникова, Евдокия Тимофеевна Никитина с сыном и внуком Юрой, начало 50-х гг.

Анастасия Семёновна Лузикова (Анастасия Тимофеевна Ситникова), Солотча, начало 50-х гг.

Профессор Выясновский Андрей Юлианович



Лузиков Тимофей Еремеевич

Лузикова Татьяна Сидоровна

Лузиков Т.Е. с женой и родственниками

Донская родня Лузиковых, Калач, 1958 г.

Старый Калач, начало 50-х гг.

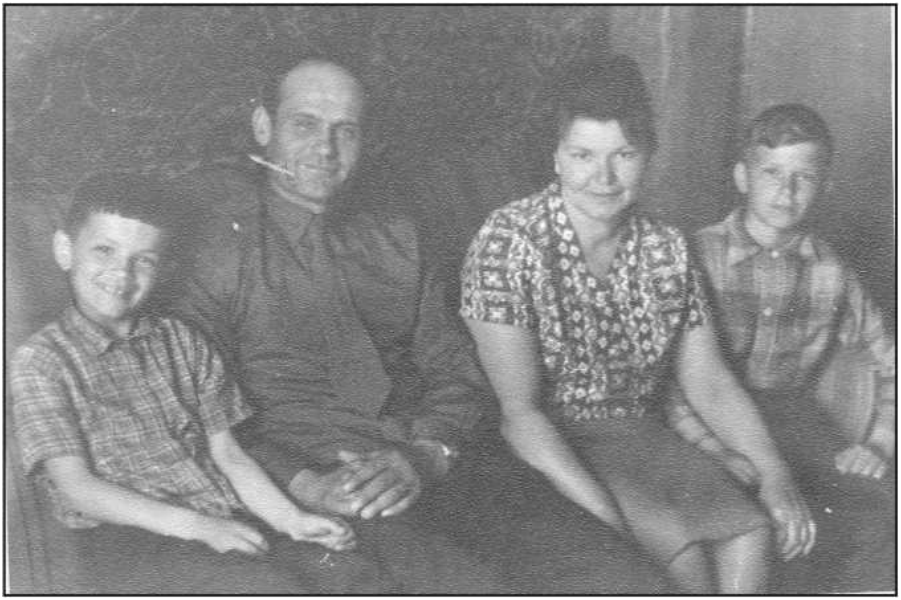
Астрахань, ул. Белинского, 37, начало 50-х гг.

Петр Тимофеевич Лузиков, конец 30-х гг.

Письмо с фронта от Петра Лузикова

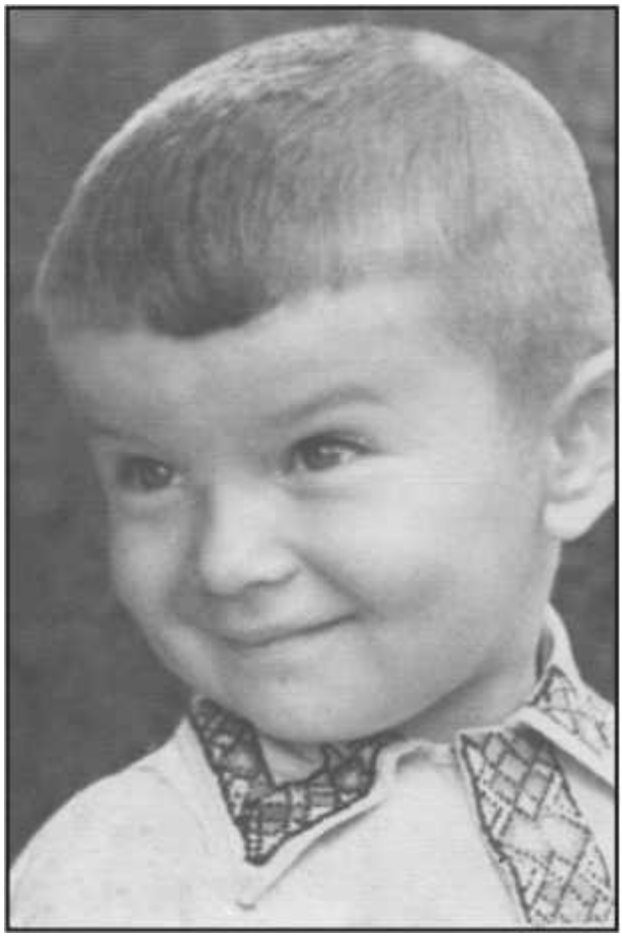
Екатерина Тимофеевна Лузикова,40-е гг.

Иван Максимович Полоусов



Супруги Полоусовы с сыновьями Сергеем и Владимиром

Лузикова Т.С. с внуком Володей

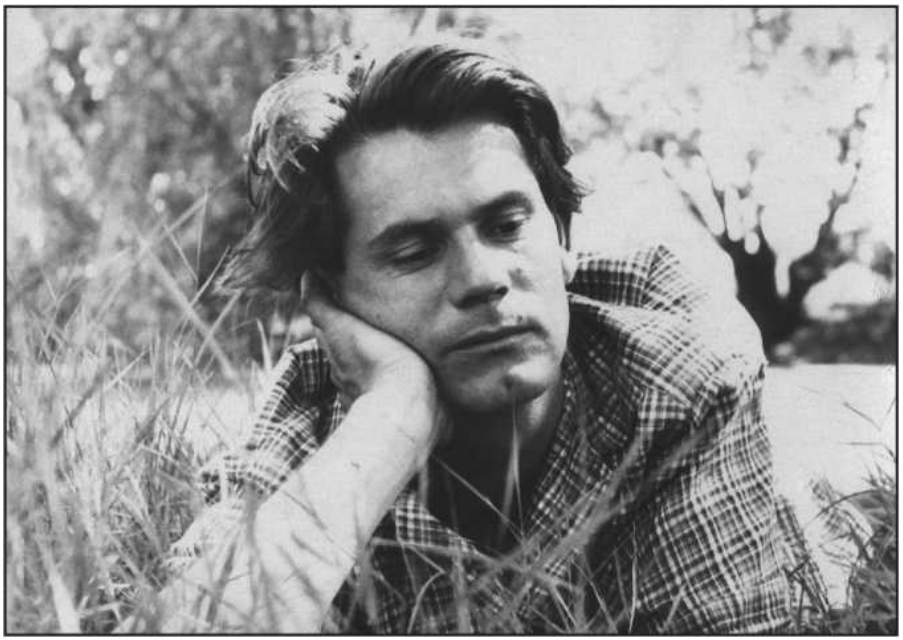


Гарный хлопчик Серега Полоусов!

Татьяна Сидоровна Лузикова с племянницей Татьяной

Архангельский детдом, 30-е гг.
Третий слева вверху – Лузиков Тихон(Тимофей)

Долгожданная встреча с сыном.
Лузикова Т.С. с Тихоном(Тимофеем)



Лузиков Тимофей (Тихон) Тимофеевич, 60-е гг.

Супруги Лузиковы – Галина и Тимофей

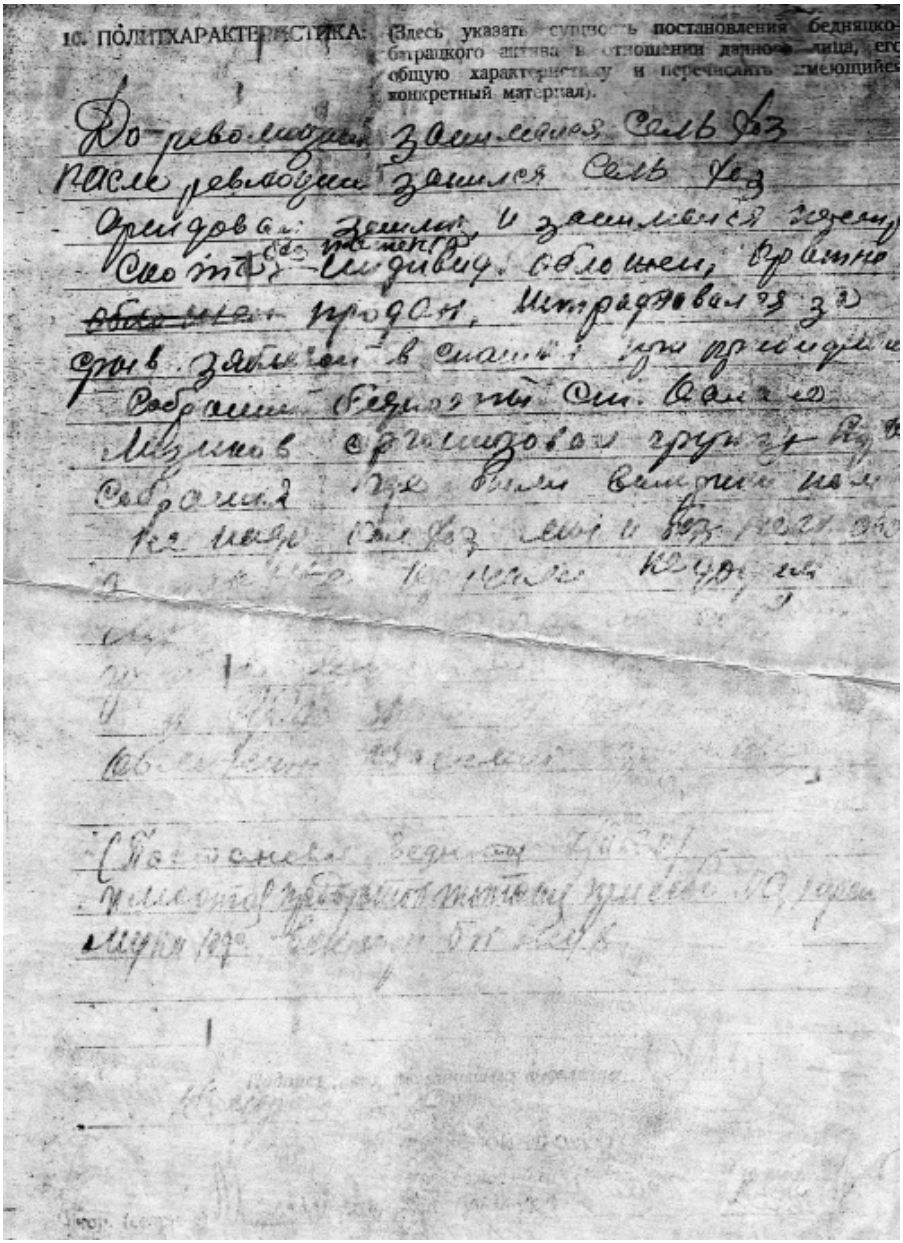
Сестры Лузиковы – Татьяна и Елена, 70-е гг.

Василиса Арькова (в центре) с отцом Павлом Артемьевичем и матерью Прасковьей Митрофановной

Свадьба Александра и Василисы Арьковых, Калач, 1947 г.

Братья Арьковы – Виктор, Василий и Павел

Коля Арьков


16. ПОЛИТХАРАКТЕРИСТИКА: (Здесь указать сущность постановления бедняцко-батрацкого актива в отношении данного лица, его общую характеристику и перечислить имеющийся конкретный материал).

До-революции Земли сель Хоз

после революции Земля сель Хоз

Орендовал Земли и занимался хозяйством

Сколько Едиличн. обложен, Кулак

продал, Интервьюировать з

срыв Земли в сельхозе при продаже

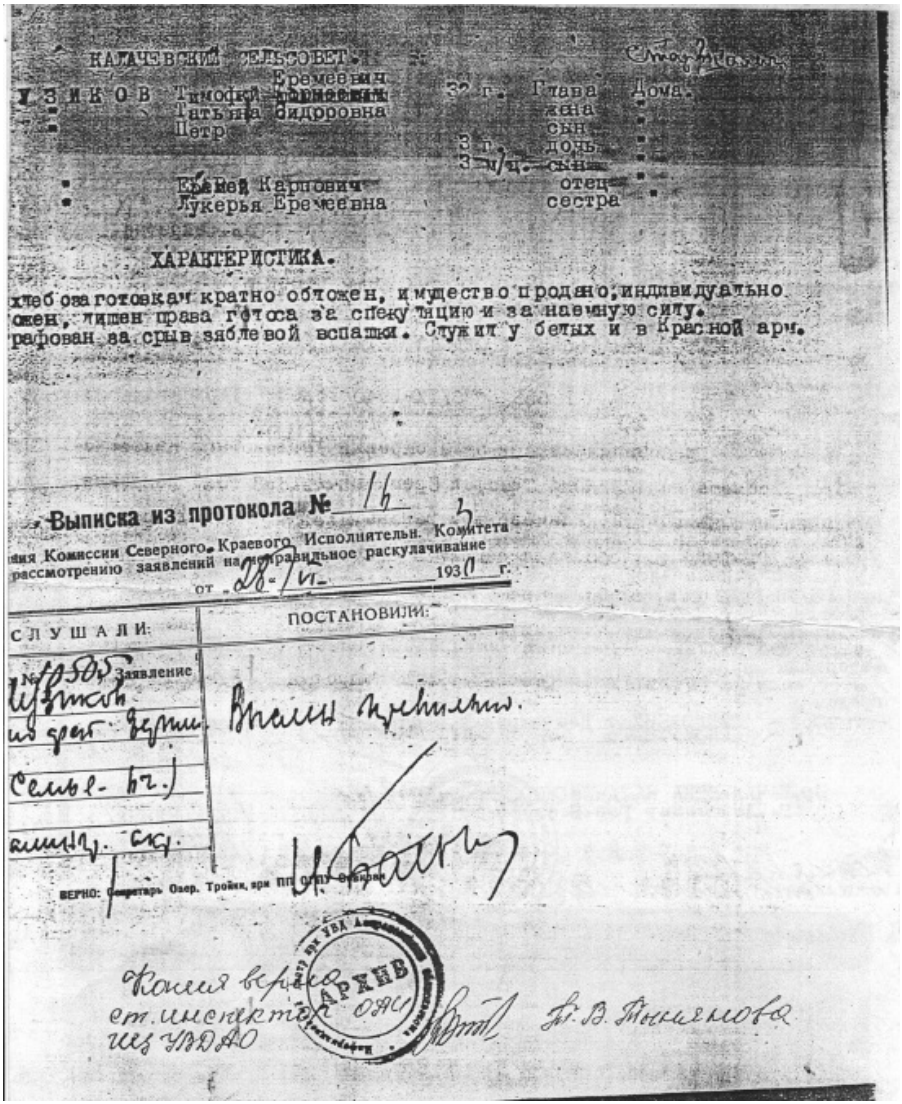
Собрание Безлюдно Отн. Сельсо

Лузиков организовал группу Кулаков

Собрание Где были Выступление Лузикова

Тимофея Сель Хоз имел и без него это

Политхарактеристика на Лузикова Тимофея Еремеевича



КАЛАЧЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ.

УЗИКОВ Тимофей Еремеевич 32 г. Глава Дома.
Татьяна Федоровна жена
Петр сын
3 г. дочь
3 м/д. сын
отец
сестра
Лукерья Еремеевна

ХАРАКТЕРИСТИКА.

хлебозаготовках кратно обложен, имущество продано, индивидуально ожен, лишен права голоса за спекуляцию и за наемную силу. рафован за срыв заблевой вспашки. Служил у белых и в Красной арм.

Выписка из протокола № 16 3

ия Комиссии Северного Краевого Исполнительн. Комитета рассмотрению заявлений на административное раскулачивание

от 28/VI 1930 г.

СЛУШАЛИ: ПОСТАНОВИЛИ:

№ 19505 Заявление
из дер. Горш.
(Семья- 6ч.)
алишц. скл.

Выслан правильно.

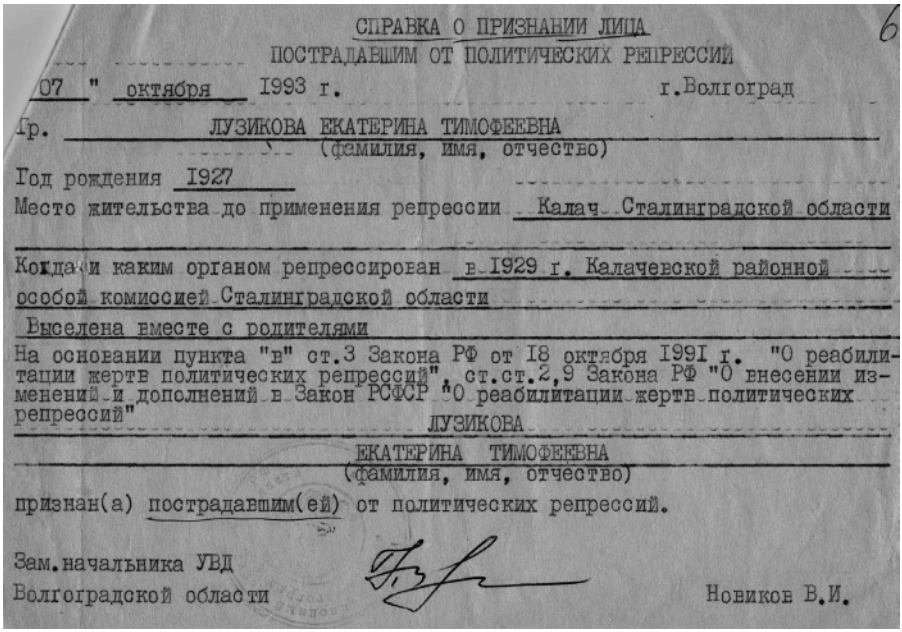
ВЕРНО: Секретарь Озер. Тройки, при ПП ОГПУ Сиб. Окр.

Копия верна
ст. инспектор ОАО
из УУДАО

Ф. В. Тюменцова

«Выслан правильно».

А кто бы сомневался…У них ведь всегда все правильно.



СПРАВКА О ПРИЗНАНИИ ЛИЦА
ПОСТРАДАВШИМ ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

07 " октября 1993 г. г.Волгоград

Гр. ЛУЗИКОВА ЕКАТЕРИНА ТИМОФЕЕВНА
(фамилия, имя, отчество)

Год рождения 1927

Место жительства до применения репрессии Калач Сталинградской области

Когда и каким органом репрессирован в 1929 г. Калачевской районной особой комиссией Сталинградской области

Выселена вместе с родителями

На основании пункта "в" ст.3 Закона РФ от 18 октября 1991 г. "О реабилитации жертв политических репрессий" ст.ст.2,9 Закона РФ "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий"

ЛУЗИКОВА
ЕКАТЕРИНА ТИМОФЕЕВНА
(фамилия, имя, отчество)

признан(а) пострадавшим(ей) от политических репрессий.

Зам.начальника УВД
Волгоградской области Новиков В.И.

Реабилитация: 63 года спустя

Р.С.Ф.С.Р.
Исполнительный комитет
Калачевского
РАЙОННОГО СОВЕТА
депутатов трудящихся
Сталинградской области
4/X 1940 г.
№ 51/8
г. Калач-на-Дону

СПРАВКА.

Выдана РО НКВД в том, что по имеющимся в Райсовете спискам раскулаченных, значится: ЛУЗИКОВ Тимофей Еремеевич раскулачен 15/УП-30 г. и сослан с семьей в количестве 5 душ.

Секретарь-шеф Исполкома Райсовета: Чувилин

Копия верна
ст.инспектор
ЦУВДАО

АРХИВ

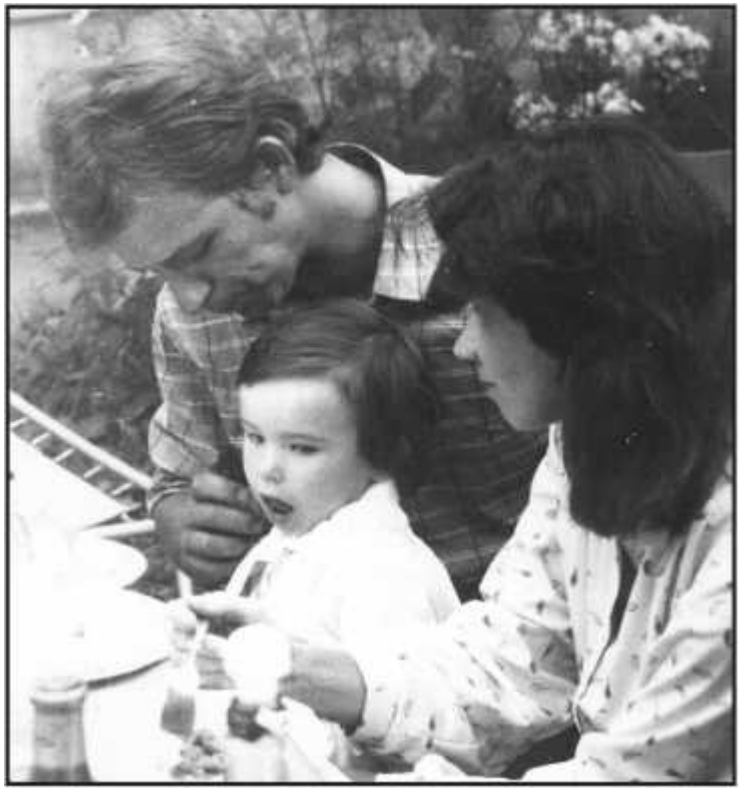
Л.В. Тонконогова

«Дайте мне справочку, что я был раскулачен и сослан с семьей в количестве 5 душ».

Владимир Ситников с сыновьями Александром и Тимофеем

Он же с женой Натальей

Он же с внуком Максимом



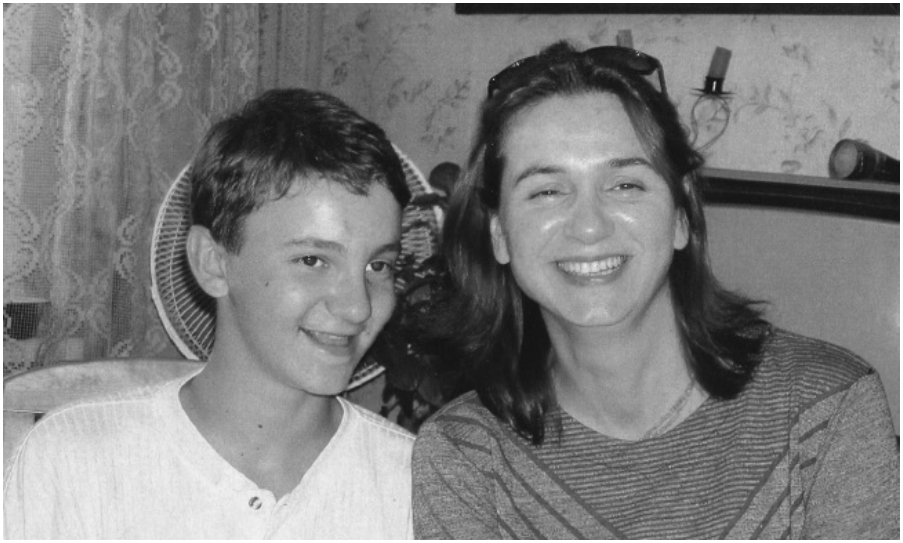
Владимир и Лариса Полоусовы с дочерью Настей, конец 70-х гг.

Сергей и Надежда Полоусовы

Сергей и Надежда Полоусовы с внуками Никитой, Ярославом, Ариной, Андреем и Аленой

Алексей Полоусов с детьми Андреем и Аришей

Алексей и Ксения Кадыковы с сыновьями Никитой и Ярославом



Татьяна Лузикова с сыном Петей, начало 2000-х гг.

Лузиков Тимофей мл.

Людмила Никитина с дочерью Еленой, 1977 г.

Елена Никитина

Алена Никитина с братом Алексюшей, самым юным в

семействе Лузиковых, 2016 г.

Глава V
Лузиковы вспоминают…

Конечно, я тут буду необъективен по определению. Но думаю, что, если бы я предложил сделать Анастасию Семеновну Лузикову (известную большинству, как Анастасия Тимофеевна Ситникова-Выясновская) лицом, а то иобразом рода Лузиковых, немногие бы воспротивились этому.

В ней все счастливейшим образом сошлось: и красота, и доброта, и ум, и великодушие, и достоинство, и высокий профессионализм вкупе с удивительной работоспособностью и отзывчивостью. Почти 60 лет отдано медицине, людям, их здоровью. Многие годы – за операционным столом в сугубо мужской «епархии» – костной хирургии, позднее – в госпитале, в отделении для ветеранов Великой Отечественной… Это они, тихие, скромные труженики и труженицы, защитившие Родину в годы войны всяк по-своему, а затем поднявшие ее из руин, они, а не столоначальники и не «Газпром» с певунами и говорунами, являются гордостью, достоянием и самой сутью России.

В роду Лузиковых по счастью такие люди есть. Со многих из них, правда, и по сей день не стерто клеймо «дети (может, еще и внуки с правнуками?) врагов народа», но любопытный, и даже очень, это должен быть народ, у которого такие враги и особенно их дети…

В этой главе слово предоставляется старейшине рода Лузиковых – Анастасии Семеновне Лузиковой (Анастасии Тимофеевне Ситниковой-Выясновской), а также Сергею Ивановичу Полоусову и Татьяне Тимофеене (Тихоновне) Лузиковой.

Анастасия Семеновна ЛУЗИКОВА:

«Родилась я 24 декабря 1922 года в хуторе Старый Калач под Царицыным. Дата моего рождения определена была условно. Родители позже говорили: «Где-то в конце года перед Рождеством…»Там у нас были Старый Калач и Новый Калач. В Старом Калаче проживали старообрядцы, а в Новом – и старообрядцы, и православные. Разделение Калача на Старый и Новый было условным, можно сказать – овражком, по которому протекал арык, перейти через него можно было по камешкам. Это в обычное время, а весной, когда разливался Дон, по арыку шумел бурный поток, и дорога в Новый Калач была малодоступной. Впрочем, старокалачевцев это не смущало,

потому что в Новом Калаче им «нечего было делать».

В Старом Калаче была старообрядческая церковь, рядом с ней находилось кладбище. Именно они и запечатлелись крепче всего в моем детском сознании. В Новом же Калаче была большая православная церковь, гимназия, магазины, базар… До Нового Калача ходил поезд «Царицын-Донская», рядом со станцией была «Парамоновская ссыпка», куда возили и сдавали зерно.

Старый Калач местными казаками еще именовался «Дундуков» или «Дундуково».

На границе по арыку на стороне Нового Калача располагался скит, где обитали монашки.

Калач-на-Дону был приписан к Пятиизбянской станице.

Мои первые воспоминания относятся к раннему детству, году эдак к 1924, когда моей любимой забавой было «скакание» на деде Митрофане Ивановиче Короткове. Все это делалось шумно и не одобрялось бабушкой Евдокией Леонтьевной. Тогда я впервые услышала это странное слово «тумана» с ударением на последнем слоге. Позднее я узнала, а точнее, догадалась из контекста, что означало оно, это слово – нечто неприятное, даже страшное… Попеременно туманой были все дети, включая и внуков с правнуками…

Еще один эпизод моих ранних воспоминаний связан с постройкой нового куреня– так называли у нас дом.

Как сейчас вижу, объемный квадратный фундамент, рядом с ним длинный верстак, который служил одновременно обеденным столом для казаков-строителей.

Курень возводили всем хутором. Казаки приходили со своим инструментом, работали, а хозяева их поили-кормили. Дом вышел просторный, красивый или, как у нас тогда говорили, справный. В нем было много комнат, несколько спален. Мы, дети, спали в отдельной комнате все вместе – Гора (Гриша), Дуся Духа, Духара) и я, Ася (Стюрка), как нас называли домашние. Ночевали мы то на полу, то на палатях. Обедали в большой комнате, которая была и кухней, и столовой. Была еще одна комната – особая, называлась горницей. Эта самая горница была очень нарядной. Кровать там застилали красивым шелковым стеганым одеялом с подушками в обоих концах кровати – по две больших и по одной маленькой. Все это было прикрыто специальными занавесками-павилионами из белого батиста с вологодскими кружевами. Не припомню теперь, спал ли кто-то когда на этой роскошной кровати. Скорее всего, она была декоративным элементом, придающим дому парадность и ощущение зажиточности.

Двери и окна в горнице были занавешены занавесями из

нарядного тюля. Точкой, а скорее восклицательным знаком в убранстве этой необычной комнаты служили лампа-«молния» с белым матовым абажуром, а также чудо-граммофон с трубой, откуда слышны были мужские и женские голоса. Мы, дети, поначалу даже с опаской заглядывали туда, чтобы увидеть тех, кто там сидит и поет.

Родительский дом, конечно же, был очень приметен в Старом Калаче и размерами, и убранством, вызывая не только восхищение, но и зависть. Знали бы мы тогда, что недолго нам оставалось жить в нем…

Была в хуторе и своя школа, если ее так можно было назвать. Располагалась она в бывшей церковной сторожке, и работала в ней одна учительница Августа Петровна. Я пошла в школу рано, вместе с сестрой Дусей, когда мне еще не исполнилось и шести лет. Помню, папа сказал, махнув рукой: «Пусть болтается…»

Отдельно вспоминаются праздники и особенно подготовка к ним – то, что сейчас мы называем «генеральной уборкой». Все мылось водой с мылом, полы натирались желтой глиной, за которой взрослые ездили куда-то далеко за хутор. Самая высокая оценка полам звучала так: «Ну, прямо как желток!» Мы, разумеется, тоже прибирались под строгим присмотром старенькой бабушки, так как родители были в поле, если речь шла о Пасхе Христовой, нашем любимом празднике. Взрослые возвращались в субботу – «выкупаться и помыть голову». Бани не было, омовение проходило в доме, в корыте и тазах.

Для детей к празднику шили новые наряды – платья для девочек, рубашки и штаны для мальчиков. Покупались новые туфельки и прочая обувка, так как за зиму ноги у нас вырастали. В обычные теплые дни года мы носили обувь, которую шил для нас дедушка Митрофан или хуторской чеботарь. Впрочем, летом все обычно ходили босиком.

В предпасхальные дни надо было еще приготовиться к причастию. Мы с сестрой Дусей в течение многих дней слестовками (такими, если можно так для наглядности сказать, православными четками) читали молитвы и после окончания чтения передвигали на лестовке «четки» – небольшие деревянные палочки в кожаном футлярчике. Этих «четок» было, кажется, штук сорок. Их либо покупали, либо делали сами. Конечно, мы не всегда говорили правду родителям относительно числа прочитанных молитв, несколько завышая цифры…

В субботу мы всей семьей шли к вечерне и молились до ночи, а утром снова возвращались в церковь – на обедню. Пасха до сих пор у меня еще с тех детских лет ассоциируется с ранним весенним утром, ярким солнцем, светом, зеленью травы, теплом,

радостным щебетаньем птичек… Взрослые всегда обращали наше внимание на эти изменения в природе: «Посмотрите кругом, как все радуется Христову Воскресению!» Мы этому верили и радовались вместе со всеми. Помню, у входа в церковь старательно вытирали пыль с туфелек. Отстояв обедню, чинно шли домой – разговляться.

Стол, что называется, ломился от праздничных блюд – мясо, птица, холодец, лапша с курицей или стерлядью, ну и, конечно же, множество разных по величине куличей и несметное количество крашеных яиц. Красили их обычно шелухой от лука и какой-то травкой, дающей желтый цвет. Более яркие цвета покупались в лавке в пакетиках. Была тогда такая детская игра-«катать яйца». Выглядело это следующим образом. На ровной площадке с интервалами выкладывался ряд яиц, а участники игры старались поочередно «выбить» яйцо мячом. «Мяч» изготовлялся из тряпок. Кто-то выигрывал кучу яиц, кто-то такую же кучу проигрывал, бегая то и дело домой для пополнения запаса. Взрослые относились к этому снисходительно – праздник ведь!

Пасха почти всегда по времени совпадала с посевной, и взрослые, а это были наши родители, дедушка и работник Анистрат, через пару-тройку дней возвращались на пашню – «день год кормит».

Весна еще запомнилась половодьем. Взрослые и дети ждали, когда в «барак» (так мы называли арык) начнет прибывать вода из Дона. В половодье разлившийся. Дон заливал дворы с огородами (их у нас называли «клетками»). У детей это вызывало радость и восторг. По затопленным дворам мы передвигались на плотиках с парусами!

После схода воды на лугах оставались лужицы, в которых водилась мелкая рыбешка. Мы ловили ее руками или бреднем из головного платка. Этот луг был также полон пищевого щавеля. В голодные годы мы, дети, ходили туда и собирали этот щавель, приговаривая при этом: «Чтоб он не кончался…» Из щавеля готовилась начинка для пирогов, а еще вязались пучки на продажу в Новом Калаче или в Царицыне.

Ярким, запоминающимся был праздник Троицы. Традиционно к этому дню заготавливался солодковый корень, из которого варился сладкий напиток – солодок. Он разливался в бутылки, дети ходили с ними по улице, пили и брызгали друг на друга.

В домах, на воротах и заборах было много зелени: ржанец, ветки фруктовых и декоративных деревьев…

На Троицу было принято ездить на другой берег Дона. Он был гористым, и добирались мы туда на лодке.

Главным блюдом Троицы была яичница на сале, которая жарилась на огромной сковороде. Вбивалось туда, наверное, десятка два яиц, и вкус этой необыкновенной яичницы памятен мне до сих пор.

Вспоминается праздник так называемого Яблочного Спаса. В этот день, а приходился он на 19 августа, в церкви святили фрукты. В нашей семье он памятен еще тем, что позднее на Яблочный Спас стали отмечать день рождения сестры Дуси.

И коли уж речь зашла о днях рождения, то следует сказать, что точных дат мы тогда не знали. Про Дусю говорили, что родилась она где-то на Яблочный Спас, а я соответственно в конце года, под Рождество. Папа так и ушел, не зная, когда он родился, а маме определили по ее воспоминаниям 14 марта – день Евдокии.

Но вернемся к праздникам. Отмечали мы особо Ильин день. С него шел запрет на купание в реке. Нам говорили, что «Илья в этот день посикал в воду». Для детей это было сущим наказанием, потому что мы все время проводили в затоне, на речке. Непослушных пугали тем, что их схватит за ногу и проглотит огромный сом, который прячется под корягой. Вот, мол, в соседнем хуторе двух уже слопал и не подавился…

Особо отмечалось Рождество Христово. Этому празднику предшествовал длинный пост. Ни мяса, ни молока есть было нельзя – нам это внушили на всю жизнь. И вот сидим мы с Дусей, смотрим, как взрослые готовят мясо для холодца, рты приоткрыты, слюнки, что называется, текут, и тут папа быстро проводит нам по языкам «мясной» ложкой! Боже, что тут с нами было! Мы и плевались, и тряпкой язык вытирали, чтобы не быть «погаными».

В скоромные дни не было большего для нас лакомства, чем собрать со стенок котла остатки каймака после того, как родители кивнут нам, мол, можно. Тем, кто не знает, что такое каймак, могу сказать так: «Это не сметана и не сливки. Это гораздо вкуснее. Для него нужно особое молоко и особые манипуляции. Но тот, кто однажды отведал его, никогда не забудет…»

Мясо на зиму заготовлялось с осени, свиное сало солилось и подвешивалось на чердаке или закладывалось в бочки, а то и ящики. Говяжие туши хранились в летних кухнях, которые зимой превращались в естественные холодильники.

После Рождества Христова наступал длительный мясоед, который завершался широкой масленицей. Блины пекли на легком огне в печке, складывали их горкой на тарелку, а уж затем с пылу-жару подавали на стол. К блинам хорошо шли арбузный

мед, кислое молоко, сметана, тот же каймак (он, вообще, ко всему хорошо шел), в конце обеда появлялся пчелиный мед.

Дни масленичной недели имели свои особые названия: день тещи, день свекрови, день снохи и т. д.

Завершалась масленица Прощеным Воскресеньем. Тут уже к блинам (блинчикам) добавлялись плюшки, слойки, кокурки. Все с утра раннего просили друг у друга прощения: «Простите Христа ради наши грехи вольные и невольные!» – «Бог простит, кума, и я прощаю!»

Дети просили прощения у родителей на коленях, кланяясь в ноги. Слова старались выговаривать громко, отчетливо, чтобы Боженька слышал.

Следом начинался Великий пост…

Теперь, полагаю, пришло время поговорить о семье. У деда нашего по папе, Корнея Фетисовича Лузикова, было всего 17 детей. Выжила одна треть. Папа был последним. Помню всех их: Лукьяна, Дмитрия, Еремея, Евдокию, Ирину (ее, правда, почему-то называли Ариной). Из всех них папа был самым упорным и удачливым в работе. Начинал в подростковом возрасте пастухом, ходил босиком («Все колючки, – вспоминал, – были мои»), потом, в годы

НЭПа стал заниматься коммерцией, поднялся, стал одним из зажиточных людей в Старом Калаче. Себе выстроил дом на загляденье, начал строить флигель для тестя с тещей, но тут товарищ Сталин решил ужесточить борьбу с «кулаками» как классом, и в марте 1930 года мы в одночасье оказались лишенными всего – и имущества, и прав. В вагоне, больше пригодном для скота, всю нашу семью вместе с большинством родственников отправили в Архангельский край, в топи и болота, чтобы мы, значит, там поразмыслили хорошенько о том, как неправильно жили.

Заплаканные лица старших, озабоченный отец, разговор шепотом, что-то во что-то заворачивалось и куда-то уносилось (в основном, это были личные вещи) – и вот в один несчастный день к нам пришли «гостюшки дорогие», местные казаки-бездельники, все осмотрели, что-то забрали с собой, сначала в руках, а затем на подводах. Нам же сказали, чтобы мы срочно освободили помещение, причем, во флигель, где к тому времени уже жили дедушка с бабушкой, поселиться запретили. Был холодный март 1930 года, и нам оставалось только одно – замерзнуть на улице. Но такого удовольствия нашим «доброжелателям» мы не доставили – нас приютили родственники, младшая сестра мамы Прасковья нашла для нас место в летней кухне. Все это стоило больших усилий, чтобы в холодной комнате разрешили

разместиться «врагам народа» – маме с тремя малолетними детьми. Папа к тому времени уже дома не появлялся, а мы не успели обжиться на новом месте, как ночью снова пришли.

Мама с плачем разбудила нас, стала одевать, в кухне уже хозяйничали наши деятельные бездельники, покрикивая «быстрее, быстрее!», и вскоре мы, еще толком не проснувшиеся, снова оказались на улице, в студеной мартовской ночи.

На арбе, запряженной быками, нас куда-то повезли. Ни дедушке с бабушкой, ни тете Пане (моей крестной) провожать нас не разрешили. Словом, с плачем и молитвой ехали мы, сами не зная куда…

Ранним утром арба наша остановилась в поле, где было множество повозок с такими же, как мы, бедолагами, среди которых оказалось много наших родственников: семьи дяди Лукьяна, дяди Мити, дяди Тимоши (отцова племянника). От них мы узнали, что находимся где-то невдалеке от железнодорожной станции Кривая Музга.

На этой станции стоял поезд с бесчисленным количеством товарных вагонов. В одном из них мы увидели папу…

Поезд шел в неизвестном для нас направлении. Вскоре, однако, мы заметили, как изменилась погода. Если в Старом Калаче уже иной раз чувствовалось приближение весны, то чем дальше мы ехали, тем становилось холоднее, да и сугробы были совсем не южные.

Ехали мы долго. Сгрузили нас в каком-то мрачном месте с удивительного вида «архитектурными сооружениями». Это были треугольной формы бараки без крыш, стены которых покрывали неотесанные доски, а поверх их лежали еловые и сосновые деревья и ветки. Внутри барака были двухярусные нары без каких-либо перегородок – все спали вповалку. При входе в барак стояла железная печка. Не помню, что именно мы ели. Помню, что всегда хотелось кушать. Еще была баня, куда нас еженедельно водили мыться.

Смертность, особенно детская, была очень высокая. Гробы делались из подручного материала, могилы были полны водой, и когда опускали в нее гроб, эта жижа, казалось, довольно чавкала или крякала, принимая очередную жертву…

Позднее мы, конечно, узнали, что наша ссылка находилась в Архангельской губернии, Холмогорский район, село Сухое озеро. Так как в селе не было станции, то нас выгружали в Холмогорах, на родине великого Михайлы Ломоносова. Поглядел бы он тогда на нас, а заодно и на то, что стало с его страной, которую он прославил на весь мир…

Вскоре власти, обеспокоенные, видимо, жуткой детской

смертностью, разрешили вывозить детей на родину. Нас – Гору, Дусю и меня – вывезли в числе первых. За нами приехал папин друг Ситников Тимофей Зотович, живший в нашем хуторе. Тогда мы еще не знали, что эти фамилия-имя-отчество станут вскоре для нас родными, и всю оставшуюся долгую жизнь мы проживем, как Ситниковы Георгий Тимофеевич, Евдокия Тимофеевна и Анастасия Тимофеевна. Не знаю, какими справками и иными документами снабдил папу его друг, но из ссылки папа вернулся не Лузиковым Семеном Корнеевичем, а Ситниковым Тимофеем Зотовичем. Вернулся, само собой, не в Старый Калач, где его хорошо знали, а побрел вместе с семьей по городам и весям…

Мы же, пока его не было, жили у дедушки с бабушкой в новом флигеле, построенном папой. Я продолжила учебу во втором классе, Дуся помогала старшим по хозяйству, а Гора работал в колхозе – ему, сыну «врага народа», учиться не разрешалось. До ссылки он успел закончить четыре класса…

Еще хочу немного сказать о папе. С его образом в детстве чаще всего была связана радость. Возвращаясь до «раскулачивания» из деловых поездок в Царицын, он привозил колбасу, которой в Старом Калаче не было. У нее был такой вкус, которого я больше никогда не встречала. Привозил также яблоки в мешках, что было редкостью в хуторе, где преимущественно росли тутник и дулечки (сорт груш).

1932-33 годы были голодными. Люди стали умирать от голода. Мы, дети, ходили на станцию, где разгружались вагоны с зерном. В наших с Дусей пальтишках были распороты карманы, чтобы больше зерна поместилось в подол. Мы подбирали его с земли, а дома толкли в ступе, и потом уже делались лепешки. Чаще всего в массу добавлялся щавель, тоже собранный нами. Еще наша семья получала от родителей посылки с сухарями. К тому времени папа с мамой, поодиночке сбежав со ссылки, объединились где-то под Архангельском, и папа сумел устроиться работать в пекарню. Посылки с сухарями нам очень помогали, но дедушка подозревал, что наш почтальон их «ополовинивал». Случались также в посылках обувь и одежда и даже резиновые мячи – большая редкость в Старом Калаче.

Нечастая радость приходила в наш дом в облике Дусиного крестного – дяди Пети. Он был горбатеньким, жил в Новом Калаче, работал парикмахером. Он всегда приносил нам много конфет, «подушечек» и в красивых обертках.

Где-то весной, видимо, 1932 года глубокой ночью мы были вдруг разбужены бабушкой. В темноте еще увидели склонившихся над нами папу с мамой. Они плакали, обнимая и целуя нас. Мне казалось поначалу, что все это я вижу во сне…

Дело было так. Родители, сбежав со ссылки, перебрались в центр России. Потом добрались до Царицына, а уж оттуда темной ночью пришли в Старый Калач. Тихо постучали в окно, а на вопрос бабушки, «кто это по ночам добрых людей булгачит», ответили: «Да мы это, Сема и Дуня!» Только, как позже выяснилось, Сема к тому времени был уже не Семой, а Тимофеем…

В доме они пробыли не больше часа, пообнимали нас, надавали гостинцев и ушли в темную ночь. Но как они ни хоронились, а зоркий глаз какого-то местного «следопыта» их зафиксировал. Утром к нам нагрянуло начальство с обыском и вопросом: «Где Семен и Дуня?» Ничего и никого не нашли, допрашивали и старых, и малых, но мы все твердили одно и то же – ничего не знаем, никого не видели.

И еще одна деталь, связанная с нашими родителями – они были совершенно безграмотными. Папа, да и мама тоже вместо росписи ставили крестик. А вот старшие папины братья грамотой владели, во всяком случае у меня сохранилась фотография дяди Паши (Лукьяна) с дарственной подписью, выведенной его собственной рукой. Так что тому же папе жизненными обстоятельствами была уготована судьба пастуха или что-то в этом роде, но он обманул судьбу и вышел «в люди», что очень сильно не понравилось тогдашней власти. Впрочем, у нас всякой власти не особо нравятся люди независимые, прямые, что называется, «сделавшие себя сами» без воровства и стукачества на ближнего…

Четвертый и пятый классы я заканчивала в школе в Новом Калаче. Зимой из дома мы добирались до школы на быках, чаще всего попутных или шли пешим ходом.

…Где-то году в 1934-ом меня из Старого Калача отвезли в Царицын – к папе. В этот период родители из Архангельска перебрались в Казань. Туда же из Царицына попала и я. Там уже обосновались помимо нашей, семьи дяди Паши (Лукьяна) и дяди Тимоши (племянника папы). Жили мы все на одной улице, а с семьей дяди Паши – так в одном доме. Школа была далеко, на самой окраине. Транспорта никакого не было, добирались пешком.

Летом приехал Гора, а Дуся оставалась в Старом Калаче – помощницей бабушки.

В Казани мы прожили около года. Чтобы прокормить семьи, папа с дядей Пашей приторговывали зимой-валенками, летом-рыбой, а то и кухонной посудой, ее называли «обливной», она являла собой глубокие чашки для супа или щей.

Надо сказать, что такая торговля жестоко преследовалась

властями, будучи приравненной к спекуляции. Бывало так, что наших «коммерсантов» задерживали и сажали в «кутузку». Понятно, что родители постоянно жили в страхе, имея репутацию «кулаков» и чужую фамилию, что в любой момент могло быть раскрыто. В один из таких моментов и было принято решение бежать в Астрахань.

Не могу сказать, почему папа выбрал именно Астрахань. Полагаю, что свою роль в выборе нового места жительства сыграли и относительная близость к родному Калачу, и коммерческая репутация города в дельте Волги с обилием рыбы, и такая своеобразная «тупиковость» Астрахани – мол, там легче будет затеряться…

Словом, в лютые морозы 1935 года наша семья двинулась в путь. До Саратова добрались поездом. Железнодорожного моста через Волгу тогда скорее всего не было, и мы с узлами и мешками перебирались по льду в санях на подводе. А затем – снова поезд, теперь уже до станции назначения, до Астрахани.

Никто нас здесь, конечно, не ждал и не встречал. С вокзала поехали куда глаза глядят, приехали на Татар-базар, там и сняли угол в доме в семье Бахтияра и Айши. В этом доме не было ни света, ни воды, не говоря уже о других удобствах. Печку топили дровами, освещалась комната керосиновой лампой, воду носили со двора, брали из колонки.

Сразу же по прибытии папа отвел меня в школу имени Коминтерна, в шестой класс. Находилась она на Эллинге, ее я и закончила в 1939 году.

От Бахтияра и Айши мы вскоре перебрались на другую улицу в том же районе, поближе к семьям дяди Паши (Лукьяна)и дяди Тимоши (отца Кати, Пети и Тихона-Тимофея). Впрочем, Тимофея тогда еще не было в Астрахани, он появился года три спустя уже на Криуше…

В какой-то период непонятно почему произошел вдруг разлад между братьями – папой и дядей Пашей (Лукьяном). Возможно, поэтому семья дяди Паши вскоре уехала из Астрахани в Саратов. Прошло время, и родственные связи между братьями (а между семьями они и не прерывались) возобновились и длились до конца их жизни.

В году примерно в 1937 мы переселились в собственный дом по улице Трофимова,! 17 и жили там несколько лет. Оттуда был призван в армию Гора. Вообще-то, его звали Григорий, но Георгий, по его мнению, звучало красивее, солиднее, и он поменял имя официально. Кстати, Георгием звали хозяина, у которого мы приобрели дом…

Вероятно, частая смена адреса проживания диктовалась не

только желанием улучшить жилищные условия, но и другим желанием – затеряться от зоркого глаза «собак», как папа называл НКВД-шников.

Годы 1937-38 для нашей семьи были очень тревожными. В стране усиливалась классовая борьба, аресты шли круглосуточно, и папа с мамой часто уезжали то в Саратов, то еще куда-нибудь. На время их отсутствия меня определяли в семьи родственников – дяди Тимоши или Дорофея Егоровича Вострodымова (он был женат на родной сестре нашей мамы, тете Поле). Гора уже служил в армии, а Дуся все еще жила с бабушкой и дедушкой в Старом Калаче…

Таким образом, путь наш с Трофимовой лежал на Большие Исады, в самый торговый район города. Теперь мы жили по улице Красной Набережной в доме 105, на берегу Кутума рядом с Красным мостом. В летнее время прямо из парадной мы попадали на берег и купались и днем, и ночью. Напротив дома стоял плот, где хозяйки полоскали белье. Особо неугомонные мальчишки подныривали под ним, чтобы вынырнуть с другой стороны. Эти соревнования, как и всю атмосферу большеисадинского быта, сын Дуси, а мой племянник, писатель Юрий Никитин хорошо представил в своей повести «Совсем немного до весны», опубликованной в 1986 году в сборнике повестей и рассказов издательством «Молодая гвардия» тиражом в 100 тысяч экземпляров. Мне эта повесть дорога еще тем, что прототипом главной героини являлась моя мама, Юрина бабушка.

На противоположенном берегу Кутума в весенне-летнее время была своеобразная водная ярмарка, куда с понизовых сел на лодках привозили молочные продукты-молоко обычное, топленое, кислое, масло, сметану…Осенью шли арбузы, дыни, тыквы. С Красного моста ловили рыбу, кто удочками, а позже и «немецкими» сетками. Красная Набережная памятна мне еще тем, что на ней был деревянный тротуар.

Среднюю школу и медицинский институт я закончила, проживая на этой красивой и необычной улице. Сюда же перед войной приехала после смерти бабушки из Старого Калача Дуся, возвратился с войны после ранения Гора, награжденный медалью «За отвагу» и боевыми орденами. Места всем хватало, так как жилая площадь была большая, а вот двора, считай, не было. Глаз радовала еще и остекленная веранда – прямо настоящий волжский пароход!

Сразу после войны папа сделал свою последнюю жилищную покупку – дом по улице Каховского, 12, в том же районе, метрах в ста от Красной Набережной, но с большим двором. Прежний дом был продан священнику, а новый куплен у профессора Голушко.

Свадьба Дуси и Анатолия Никитина была сыграна на Красной Набережной, но Юру из роддома в конце 1946 года привезли уже на Каховского, 12. Зима тогда была лютая, и папа специально купил и доставил для отопления отделения для новорожденных в больнице на Паробичевом бугре воз дров, чтобы, стало быть, его внук и другие малыши не простудились…

В завершении 1948 года после окончания клинической ординатуры по хирургии я была направлена по распределению в Рязанский облздравотдел. Потом был костно-туберкулезный санаторий в Солотче и долгая, долгая жизнь и работа в Одессе, куда я вместе с мужем, известным психиатром, профессором Выясновским Андреем Юлиановичем переехала в 1958 году. И только в мае 2003 года я вновь вернулась в Астрахань, в отчий дом…»

ПОЛОУСОВ Сергей Иванович:

«Первые сведения о своей родословной я получил от мамы, Полоусовой Екатерины Тимофеевны, урожденной Лузиковой. И говорить об этом она стала только тогда, когда умерла ее мать Лузикова Татьяна Сидоровна. Случилось это в 1978 году, я в это время служил в рядах Советской Армии.

У моего прадеда, Лузикова Еремея Корнеевича, семья была большая, зажиточная. Они держали скот, занимались землепашеством, были у них и батраки. Как звали его жену, мою прабабку, я не знаю. Не знаю, сколько у них было детей. Знаю только сына Тимофея, моего деда, и дочь Лукерью. Сведения о ней получил из архивной справки о раскулачивании, но о ее судьбе мне ничего неизвестно.

Дед мой, Лузиков Тимофей Еремеевич, родился в 1897 году. В начале 20-ых годов женился на девушке Тане, которая родилась в 1898 году там же, в Калаче. Девичья фамилия моей бабушки неизвестна, так как всю жизнь она, по известным причинам, ее скрывала. В 1923 году в семье родился мальчик, которого назвали Петей, в 1927 – девочка Катя (моя мама), в 1929 – мальчик Тихон, которого впоследствии все почему-то звали Тимофеем. Под этим именем знал его и я.

Уже закончилась гражданская война, люди жили мирно, трудились. У деда, Тимофея Еремеевича, было свое хозяйство. Но в стране началась коллективизация, всех крестьян, которые работали не покладая рук и имели хоть что-то за душой, объявили врагами народа. Такими же врагами народа, кулаками, объявили и моих родных. В 1930 году деда Тимофея Еремеевича, его жену Татьяну и трех детей (7 лет, 3 года и полгода), погрузили на телеги и отправили в ссылку в Архангельскую

губернию, Холмогорский район, в село Сухое озеро. Взрослые рано утром отправлялись на работу в лес, вечером возвращались в бараки. Дети целый день оставались одни. Чем они питались, одному Богу известно, видимо, помогали местные жители.

Тимофей Еремеевич понял, что выжить в таких условиях ни он, ни его семья не сможет. В это же время он узнает, что некоторым из его родных удалось бежать из ссылки, и что они обосновались в Казани и в Астрахани. Он тоже решает убежать с поселения. Бежать решил один, чтобы подготовить условия для семьи. Ему повезло, он благополучно добрался до Казани. Дал знать жене, чтобы она по его следам выбиралась из ссылки. Но сделать это моей бабушке, Татьяне Сидоровне, было гораздо сложнее. Ведь у нее на руках было трое детей, и она сама была беременна четвертым ребенком. Но все же она решилась бежать, ведь если останешься, все равно погибнешь. Бежать беременной, с маленькими детьми (малыш Тимофей только начал ходить) бабушка не могла, и она приняла самое страшное для материнского сердца решение: оставить последнего своего ребенка Тимошу у местной жительницы, обещав в скором времени за ним вернуться.

Взяв двоих детей, Петю и Катю, пешком отправилась к железной дороге. Шли они через северный лес, по словам моей матери, почти целый месяц, питаясь травой, ягодой, подаяниями. Моей маме было всего три с половиной года, но этот путь она запомнила на всю жизнь, и когда она рассказывала об этом, то всегда плакала. Но все же они выжили, добрались до железной дороги и уехали в Казань.

Когда семья соединилась в Казани, дед решил уехать еще дальше от центра, и они отправились в Астрахань. Бабушке пришло время рожать. В больнице она родила своего четвертого ребенка, мальчика Колю. Прожил Коля недолго, он умер во младенчестве. В больнице дедушке удалось выправить ей новые документы (ведь своих у нее не было). Как это он смог сделать, я не знаю. Так моя бабушка Татьяна Сидоровна Лузикова стала Ксенией Петровной Арьковой и прожила под этим именем всю свою жизнь. Ксенией Петровной знал свою бабушку и я. Поэтому свою доченьку назвал Ксенией в честь нее.

В Астрахани обосновался дядя, родной брат отца – Семен Корнеевич, жил он здесь под именем Ситникова Тимофея Зотовича. По приезде в Астрахань мои родные снимали угол на улице Узенькой, потом переехали на Криушу, а затем смогли купить дом на улице Белинского, дом 37. Это дом моего детства.

Дед Тимофей был грамотным, он устроился работать учетчиком на завод «Красный металлист», цеха которого

располагались на улице Ахшарумова. Сейчас на месте этого завода стоит здание школы-интерната. Бабушка Татьяна (Ксения) занималась домашним хозяйством. Своего четвертого ребенка она похоронила, а о Тимошеньке не забывала ни на минуту. Но забрать его из детского дома, куда отдали его соседи по ссылке, смогли только в конце тридцатых годов, когда Тимофею исполнилось 9 лет. Всю жизнь бабушка боялась, что за ней и ее семьей придут и снова отправят в ссылку.

Не знаю, как и когда это произошло, как смогла соединиться со своей матерью бабушка, но помню, что с бабушкой Татьяной (Ксенией) жила еще одна старушка, которую я считал ее матерью и звал бабой Христей.

Продолжу свой рассказ. Жизнь постепенно налаживалась. Дед и бабушка жили под вечным страхом разоблачения, но надо было работать, растить и учить детей. Старший сын Петя учился в автодорожном техникуме, Катя и Тимофей – в школе. Вскоре началась война. Деда Тимофея на фронт не призвали, а Петя был призван в 1942 году, воевал. Как попал к белорусским партизанам, мы не знаем, но последнее письмо от него пришло в апреле 1944 года из партизанского отряда имени Пономарева, который воевал в Слонимском районе Барановичевской области. Погиб Петя 12 октября 1944 года.

После смерти сына дед Тимофей стал чаще ходить в церковь. Надо сказать, что все мои родные происходили из старообрядческих семей. И во время Отечественной войны, когда власти сделали некоторые послабления по отношению к церкви, когда были открыты храмы, родные, которые в душе никогда не порывали связи с Богом, стали снова молиться в храмах. Дед Тимофей был одним из первых, кто начал возрождать старообрядческую церковь, которая находилась рядом с парком «Аркадия». Он добился разрешения от властей о восстановлении храма, и там вскоре стали проводить службу. До своей смерти он был церковным старостой. В храме не было батюшки, и зимой 1949 года дед Тимофей отправляется в Москву, чтобы добиться разрешения о назначении в Астрахань старообрядческого священнослужителя. Это ему удалось сделать, и в Астрахань прислали батюшку для службы в храме. Но, возвращаясь из Москвы, дед простудился и через короткое время умер от быстротечной чахотки. Похоронен он на Старом кладбище.

Дочь Екатерина (моя мать), закончив школу, поступила в Астраханское педагогическое училище. По окончании его в 1950 году уехала в Элисту, где стала работать воспитательницей в детском саду. Там же познакомилась с выпускником военного училища, моим отцом, Полоусовым Иваном Максимовичем.

Интересна и судьба моего отца. Родился он в 1926 году в с. Богородское Ремонтненского района Ростовской области. В 1943 году, когда Красная Армия стала освобождать Ростовскую область, отец шестнадцатилетним парнем убежал на фронт вместе с проходившей через село частью. Воевал зенитчиком. Закончил войну в Польше командиром зенитного расчета. Когда закончилась война, ему было 18 лет, и он поступил в Рижское военное училище.

В 1951 году мои родители поженились, в 1952 году у них родился сын Владимир, в 1956 году появился на свет я. Восемнадцать лет прослужил отец в рядах Советской Армии, в гарнизонах на территории тогдашней Азербайджанской ССР. В 1967 году в звании майора демобилизовался и с семьей вернулся в Астрахань, стал работать в аэропорту. Мама всю жизнь работала воспитательницей в детских садах. Первым ушел из жизни отец, он скончался в 2008 году в возрасте 82 лет, мама умерла в 2015 году, ей было 88 лет.

Мой дядя, Лузиков Тимофей Тимофевич, первые годы своей жизни провел в детском доме в Архангельской области. В конце тридцатых годов родные привезли его в Астрахань, где он после школы поступил в Астраханский институт рыбной промышленности. Закончив институт в начале пятидесятых, уехал на Дальний Восток, где проработал в разных местах и на разных должностях до пенсии. Там он женился, у него родились две дочери. В 2001 году вместе с семьей переехал в Астрахань. Умер в 2012 году.

О родных со стороны моей бабушки Татьяны Сидоровны я знаю очень мало. Живя всю жизнь под чужим именем, она никогда ничего о них не говорила. Только после ее смерти я узнал, что она не Ксения Петровна, а Татьяна Сидоровна, но узнать ее девичью фамилию мне так и не удалось.

Со слов матери, я знаю, что прадед Сидор (отчества и фамилии не знаю) был выборным атаманом в Калаче. Каким-то чудом была сохранена фотография, где он запечатлен в окружении своей свиты. Фотография была сделана скорее всего в начале века. Прадед на ней еще молод, красив и силен. Кто был его женой (Христя?), сколько детей, кроме Татьяны, было у него, я не знаю. Во время гражданской войны он служил в Белой армии, как и большинство казаков. Когда белую гвардию разгромили, мой прадед Сидор вместе со своими однополчанами решил эмигрировать за границу, во Францию. Но по дороге, в поезде, заболел сыпным тифом и был выброшен из поезда. Где он похоронен, не знает никто. Эту печальную историю поведали в своих письмах родственникам казаки, которые все же добрались

до Франции…

Конечно, к этому следует кое-что добавить. Дед был атаманом, а сыновья его занимались скотоводством и зерноводством. Много выращивали арбузов. У казаков была интересная система. Арбузы сажали на возвышенных местах, потом огораживалось все невысоким плетнем, и арбузы сами, созревая, скатывались к плетню. Потом подгоняли телегу, запряженную буйволом, и грузили арбузы. Арбузы частично солили на зиму, а в основном скармливали скоту.

Все это я знаю либо с чьих-то слов, либо из документов. А вот о жизни семьи в Астрахани могу рассказать более подробно, с деталями.

Практически я воспитывался у бабушки – и в семейных традициях, и во всех делах, в религиозных тоже. Она была глубоко верующей, крестилась и читала молитвы, стоя и на коленях, соблюдала все, что предписывалось по старообрядческим канонам, соблюдала все посты. Меня она крестила, водила в храм на все религиозные праздники, приобщала к религии как-то ненавязчиво, но во все верилось и очень впечатляло. Бабушка знала больше сотни старообрядческих молитв. А для того, чтобы их все запомнить, молитвы были вышиты на плотной ткани темно-вишневого цвета с желтыми ободочками. Вот по этим желтым ободочкам она перебирала пальцами и читала молитвы, также и заговаривала болезни, например.

Еще мы посещали старое кладбище. Я там голубей гонял. Возле песчаного карьера, помню, была свалка. И мы, детвора, запускали воздушных змеев, такие белые, из бумаги, сами делали. У нас это было традиционное развлечение.

Мы тогда жили на улице Белинского, это был наш последний деревянный, третий по счету дом. До этого мы жили на улице Узенькой, затем около кинотеатра «Маяк», это в районе Больших Исад, там на повороте трамвай ходил.

Но, возвращаясь к религиозной теме, хочу заметить, что бабушка никогда нас не наказывала, никогда не повышала голос, а только ставила в угол – меня в один угол, брата в другой. Нас, детей, воспитывали в хороших традициях: мы всегда были накормлены, сыты и чисто одеты. Два раза в неделю ходили в общественную баню. Меня одевали в вышитую по украинскому образцу рубашку-косоворотку, брюки, ботинки. Главное, никогда нас не наказывали, руки не поднимали. О рукоприкладстве и речи быть не могло. Меня первый раз поймали за куревом. От меня пахло табаком. Бабушка подошла, поставила меня в один угол, брата – в другой угол. Мы часа два постояли – и все

наказание. «Будете кушать?» – спросила бабушка как ни в чем не бывало. А вот запомнилось на всю жизнь.

Мы, конечно, осознавали, за что наказаны, и это тоже воспринималось и запоминалось. И даже когда, уже постарше мы пробовали потихоньку курить и стали поздно домой приходить, то не сказал бы, что с нами в семье бабушка жестко обходилась. Была какая-то глубинная народная мудрость во всех ее поступках и отношениях с детьми, родными, окружающими – без злобы, без мстительности, без обид, а уж жизнь, точнее, советская власть ее потрепала. Я бы попробовал сформулировать жизненный принцип бабушки так: уважая себя, уважай и других, независимо от возраста, состоятельности, положения в обществе. Она прожила большую жизнь и не изменяла этому принципу. Сама она и две ее сестры, брат были не из бедной семьи. Более-менее зажиточные сестры и брат не были репрессированы, как-то вовремя разбежались, не засветились. Я читал книги волгоградского историка, который подтверждал, что больше других пострадал род Лузиковых.

Помню еще из детства, что там, где сейчас храм Иоанна Предтечи, раньше был склад муки, рядом затопленные бомбоубежища. Это были огромные подвалы. И мы по этим подвалах, кто в сапогах, кто босиком, лазали. А далее за храмом был большой хлебный магазин, туда ходили покупать хлеб, помните, такой формы – «ракета», очень вкусный. Пока до дома дойдешь, полбулки съедаешь, и этот хлеб не плесневел, он мог зачерстветь, но никогда не плесневел. А знаете, почему? Раньше хлеб делали на дрожжах, на хорошей опаре. Я ведь по первой своей специальности специалист по хлебопечению, был механиком технологического оборудования на хлебозаводе в Астрахани, Камышине, Николаевке и немножко работал в Новополтавке Волгоградской области. Так что понимаю, что такое настоящий хлеб. А когда его из магазина привозили на завод, нереализованный, черствый, но не плесневелый, здесь его измельчали, заново заквашивали и отправляли на продажу, и никаких нареканий у населения не было, потому что хлеб был хороший, но теперь уже второго сорта. А современный хлеб, который выпекают по ускоренной технологии, разломишь – он хлебом и не пахнет. А когда моя бабушка пекла хлеб, пироги, я уж не говорю про куличи, вкуснейший запах стоял во всех комнатах, и эти куличи, мне казалось, могли вечно стоять.

У бабушки висела трехостка – это казачья плетка с деревянной круглой ручкой, к которой крепилась три хлыста из кожи. Когда бабушка ловила нас, детвору, на очередных проказах, то говорила: я вот сейчас вам задам трехосткой, но до этого

никогда не доходило. А для чего еще, кроме острастки, нужна трехостка, не знаю. Для кнута она короткая, лошадей погонять ею нельзя – так для чего? Как в театре какой-то атрибут, так и она висела на кухне. А в горнице в красном углу всегда были иконы, и постоянно горела свечка.

Бабушка была мастерицей печь пироги и куличи, дома солили помидоры, огурцы, варенье из ягод варили. Ой, какая прелесть! У бабушки на базаре Большие Исады было свое место, она продавала букеты георгинов. Это были не букеты, а художественное произведение. Она делала основание и на него красиво выкладывала цветы. Помнится, что весь подвал был завален клубнями георгинов, бабушка их песком пересыпала и так хранила до высадки. А я помогал сажать эти клубни, весь двор был засажен георгинами. Продав очередной букет на Больших Исадах, она покупала мне такого красного петуха на палочке, вкус до сих пор помнится, а для семьи – куриные потрошки на суп. И так мы возвращались с ней с базара. Я иду впереди с красным сладким петухом, за мной бабушка.

Дома готовили суп, пили чай, разговаривали. Казацкий жаргон интересный. Бабушка обычно причитала «Господи, помилуй» и так далее. По казачьему укладу впереди всегда шел мужчина, а за ним женщина, это была традиция. Они были чистоплотны – и в доме, и во дворе всегда чистота и порядок.

Праздники всегда отмечались соборно, это и религиозные праздники, и дни рождения, и другие важные события в жизни страны и семьи. Собирались все родственники, в основном, мы все шли к Ситниковым (Никитиным) на Каховского. За моей бабушкой были закреплены ее знаменитые пироги с мясом и капустой, которые она готовила в русской печи. А корочка была тоненькая-тонень-кая, и начинка, пальчики оближешь. Пироги перекладывались на деревянные блюда, а сверху накрывались полотенцем. Когда стол уже был накрыт к торжеству, все садились, женщины обычно в белых платочках, выпивали по две-три рюмочки, закусывали от души и потом начинали петь. Песенную манеру на разные голоса привезли с Дона и пели так здорово, задушевно…

Конечно, посещали каждую церковную службу. Без этого не обходился ни один праздник.

Они хорошо одевались. Женщины всегда в светлых платьях, обязательно в белых платочках, носочки, туфельки мягкие.

Не помню, чтобы была зависть к кому-то, кто лучше устроился, богаче живет… Они и сами жили до раскулачивания в достатке, созданном собственным трудом. Но и после всего, что произошло, что испытали, наши родители и предки не

озлобились, не очерствели. И это было очень важно для воспитания младших поколений. В семье, кстати, ценили книгу, в основном, все были грамотные.

И еще чем мы с ней по вечерам занимались. Она любила вязать, у нее получались шикарные платки. Она вязала, а я шерсть мыл, чесал, затем наворачивал на веретено, а она вязала… Я и сам могу вязать. У нее были подрамники, она на них надевала платки, они на них подсушивались. Расправлялись. Это тоже было искусство. Бабушка вязала платки двух видов: зимние – толстые, тяжелые, обычно серые и черные, а летние – легкие, всегда белые.

Бабушка рассказывала такой случай: у нее была корова, а во время войны всех привлекали на работы, это назывался трудовой фронт. А Астрахань ведь бомбили. В районе нынешнего сельхозтехникума тогда были шикарные сады, их охраняли собаки. И вот туда в войну бабушка ходила пасти коров. «А когда немецкие самолеты налетали и сбрасывали бомбы, – рассказывала она, – мы за коров прячемся, осколки на коров летели, а мы под коровами прятались».

Отец получил медаль «За боевые заслуги» одновременно с Петей, который погиб, а в это время находился от него в 80-и километрах на одном фронте, на одном участке. Это было уже в Польше. Я сравнил это по наградным документам, Петру награда присвоена посмертно. И вот ведь смотрите: семья пострадала от Советской власти, а сын пошел воевать и погиб за советскую власть…»

Татьяна Тимофеевна (Тихоновна) ЛУЗИКОВА:

«Папа мой, Лузиков Тимофей Тимофеевич, всегда выглядел, как настоящий английский денди – сдержанный, интеллигентный, начитанный. Всегда на нем был костюм, рубашка и так идущий ему галстук. Всегда в командировках, недосягаемый, занятой. Научил меня игре в шахматы.

Мама, Лузикова Галина Григорьевна, добрая, приветливая. С лучистыми серо-голубыми глазами, белозубой очаровательной улыбкой и незабываемым жизнерадостным смехом. Всегда с нами. В тяжёлых условиях глубинки создавала каким-то невероятным образом уют. В постоянном движении.

Любовь друг к другу, к родственникам, к друзьям – вот то, что несли мои родители.

Я выросла в любви, уважении и гостеприимстве. Наши двери всегда были открыты. На праздники столы ставились на две комнаты.

Первые мои воспоминания из детства – это холодный, продрогший Охотск на берегу одноименного моря, которое

подкатывало по тяжелой серой гальке прямо под порог нашего дома. Мы часто с сестрой ходили по берегу после отлива, еле вытаскивая ноги из зыбучей мокрой гальки. Встречали огромные медузы, выброшенные на берег. Я двумя ногами запрыгивала в центр медузы и пыталась удержаться на раскачивающейся поверхности.

Огромные сугробы и вечная зима.

Воду привозили на машинах. В окно, в форточку (только она была внизу на подоконнике) проталкивалась труба, и заливались бочки с водой в коридоре. Печка-плита топилась дровами. Продукты завозились ящиками-пайками. В нашей квартире было всегда уютно и тепло. Всегда были телефон и проигрыватель. Всегда звучали музыка, смех.

Думалось, так всегда и будет. Всегда будет мама с папой – почти как в известной детской песне. Но папы уже нет, а вместе с ним ушла какая-то большая и радостная часть нашей жизни…»

Глава VI
Дом на улиде Каховского

Если попытаться привести к общему знаменателю все, что связывало беглых калачевцев из рода Лузиковых в Астрахани за последние 70 лет, то таким общим знаменателем несомненно стал бы дом на улице имени декабриста Каховского, 12. Здесь, в этом статном когда-то доме с голубыми ставнями и просторным двором, усаженным цветами и виноградом, собирались долгие годы все «подпольные» Лузиковы прежде всего на престольные праздники, да и так, обиходом. Сюда, по этому почтовому адресу шли письма и телеграммы из Калача-на-Дону, из Макеевки, из Саратова, из Солотчи Рязанской области, из Одессы, с Сахалина – отовсюду, куда бы не забрасывала судьба бывших калачевцев.

С декабристами Лузиковых роднило то обстоятельство, что они, как и бравый русский офицер Каховский, сотоварищи, серьезным образом пострадали от властей – одни от царской, другие от советской. Там были повешенные, здесь – расстрелянные. Тех «законопатили» в Сибирь, этих – на Север. На этом общность судеб декабристов и «мартовцев» (калачевских Лузиковых, напомню, этапировали в Архангельские топи в марте 1930 года) заканчивается.

Если декабристы своим стоянием на Сенатской площади выражали протест против самодержавия, требуя перемен в общественно-политической жизни России, то «мартовцы» Лузиковы вообще нигде не стояли и ничего не требовали. Им некогда было стоять. Им надо было работать от рассвета до заката, чтобы кормить свои семьи и жить по-человечески, не кланяясь тупорылым начальничкам из местных бездельников. Примечательно, что в дом, который построил мой дед, Лузиков Семен Корнеевич (при его жизни он был известен мне, как Ситников

Тимофей Зотович), так вот, в этот новенький, с иголочки дом тотчас вселился один из таких бездельников «с порт-фелью», как говорил незабвенный шолоховский дед Шукарь, тоже бездельник не из последних.

По сути Лузиковы и им подобные были страшнее для власти, чем Каховский и Пестель. Они каждодневно, ежеминутно своим примером показывали людям, чего можно добиться одним лишь трудолюбием вкупе с постом и молитвой. Нужны были такие «грамотеи» большевикам? Да ни в жизнь! Они всем своим обличием и миропорядком как бы принижали сакральную роль

власти в бытии и сознании русского человека. А это вам не часок-другой постоять на декабрьском морозце…

Увы, и спустя почти век, мало что изменилось в наших палестинах. Битый по-прежнему небитого везет, а небитый – тот, кто при мандатах, галунах с эполетами и верительных грамотах. А также при нефти с газом и прочих элементах таблицы Менделеева. Ну, а сакральность власти сейчас на таком уровне, что царям с императорами и не снилось.

Однако, вернемся в дом на Каховского. Первые мои воспоминания о нем относятся к концу сороковых годов прошлого столетия. Я вижу себя, примерно трехлетнего, сидящего у окна в спальне со сверкающей никелем «варшавской» кроватью. В руке у меня бублик, и я смотрю на улицу, по которой ходят незнакомые люди и изредка, подпрыгивая на булыжной мостовой, неспешно проследует повозка, запряженная сиротливо согбенной лошадешкой с трясущейся лохматой головой. Случаются раз-другой и машины. Они проносятся мимо окна с грохотом, пугая чем-то непонятным и злым. А потом снова появляется мужик с зембилем, за ним баба с веником и бордового цвета оханистым половиком, который она несет, смешно семеня ногами в стоптанных чувяках, на плот, что приторочен к бережку на Кутуме, слева от Красного моста.

Ничего этого я, разумеется, пока не знаю, грызу себе бублик и смотрю на улицу, как в калейдоскоп с меняющимися картинками. Подходит неслышно бабушка, легкая, проворная, улыбчивая:

– Сидишь, Юрик?

– Сижу, баушка! (я долгие годы называл ее «баушка»)

– Ну, сиди, сиди, милок! Щас отец придет, чего-нибудь сладенького принесет.

Отцом она именовала не моего папашу, а своего мужа, моего деда. Ей уже от того было радостно, что я не бедокурил, так как сидел при «деле».

Вскоре приходил дед, которого я соответственно называл «деушка». Сколько я его помню, он все время что-то приносил. Такой был «человек приносящий». Ходил он чаще всего с просторным зембилем, а то и с двумя, куда помещались четверть молока с бумажной затычкой, мясо или рыба, какие-то крупы… Овощи выращивались на огороде во дворе, на задней его части, где росло раскидистое тутовое дерево, и были сложены аккуратно доски для пристроя.

Само собой, приносил дед и «сладенькое» – пряники, петушков на палочке, витушки. Верхом сладости для меня в ту пору был такой заказ:

– Мне, баушка, булочку с маслицем и посыпать сахарком.

Так как я поначалу не выговаривал букву «эр», то выходило «сахалком».

В этом доме мы жили с отцом и матерью до 1954 года, пока не купили свое жилище там же, на Больших Исадах, метрах в трехстах. Но с той поры и по сей день я будто и не уходил с Каховского, 12. Здесь прошла вся моя жизнь, потому что, где бы я ни жил в последующие шестьдесят с лишком лет, редкий день не бывал в этом доме. В нем женили моего крестного, Георгия Тимофеевича Ситникова (а, истинно Григория Семеновича Лузикова), иконой Федоровской Божьей Матери благословляли мой брак, коему скоро уже прибудет полсотни лет, сюда из роддома привезли в 1955 году моего двоюродного брата и крестника Володю, праздновалась тут в 1967 году «золотая» свадьба деда и бабушки, здесь на могучем столе с резными опорами, под массивной иконой Вседержителя в окладе с виноградными кистями, покрытыми сусальным золотом, лежали они поочередно – в 1969 году – дедушка, в 1986 году – бабушка, в 2009 году – мама, отпеваемые священниками либо старообрядческой церкви, либо Иоанно-Предтечинского монастыря, что находится по соседству… Теперь здесь осталась лишь одна моя тетушка, которую я люблю и почитаю, как мать свою, но мы с ней в принципе уже договорились о том, что нашу половину дома мы продадим, а ей подыщем хорошую квартиру с удобствами в центре, невдалеке от нашей семьи и семьи Елены с Аленой и Алексюшкой. Я делаю это с легкой душой, потому что люди, с которыми мы уже договорились о продаже, живут на другой половине дома лет шесть, люди семейные, степенные, верующие, молодые, так что дом попадет в хорошие руки.

В 50–60 годы века минувшего дом на Каховского был, как я уже ранее отметил, неким связующим звеном астраханских калачевцев из рода Лузиковых. В престольные праздники сюда приходили если не все сразу, то большинство. Застолье здесь всегда было знатное. Бабушка моя, Евдокия Митрофановна Короткова-Лузикова-Ситникова, готовила вкусно и обильно. Во дворе была летняя кухня с русской печью, пироги в ней выходили на загляденье! А ее жареное мясо, а картошка на топленом масле! А щи! Таких щей поешь и полсуток о еде думать не будешь. Здесь варилось варенье, квасились капуста и огурцы, солились арбузы. В свободное от готовки и уборки время она выращивала цветы, преимущественно георгины. Осенью делала букеты и продавала их то у вокзала, то на базаре. Пенсия у нее была, кажется, 14 рублей (потом прибавили десятку), и дополнительный заработок был всегда кстати. Деньги, рубли и трешницы, она держала в маленьком бежевого цвета бумажничке, который хоронила в

юбке, у пояса. Эти деньги шли на семейные нужды и на подарки внукам.

Запомнились мне из прихожан более всего женщины-старушки. А ведь было им в ту пору по 50 с мелочью, но мне, десятилетнему, они казались старенькими.

Приходила часто «теинька Поля», родная сестра бабушки, чей муж, Дорофей Егорович Востродымов, был обладателем шикарных усов и неугомонных рук, которые он тер одна о другую в предвкушении богатого стола. Он носил форменную фуражку с речной кокардой и служил кем-то в пароходстве на 17 пристани. Грамотный был человек, любил выпить и закусить, а также порассуждать «на темы».

«Теинька Поля» была низка, округла, простоволоса, говорила тихим голосом и часто жаловалась бабушке на мужа и сына Мелька. Я хорошо помню этого самого Мелька. Видимо, его настоящее имя было Емельян, но в миру звали его Александром. Он одно время наладился ходить к деду и «трясти» с него деньги, а иначе, мол, пойду кудаследует (классика стукачества!) и все как есть расскажу про вас… Дед давал ему на бутылку, и Мелек исчезал до следующего раза, который обычно не заставлял себя ждать. Однажды по пьяному делу он поджег ватную фуфайку своей матери, и та, уже почуяв запах тлеющего ватина, произнесла бессмертную фразу, обращаясь к ухмыляюшемуся сыну: «Да не балуйся ты что ли, Сашка!»

Перед смертью она призналась своей сестре, то есть моей бабушке в тяжком грехе. Будучи сильно обиженной своим мужем, грубо относившемся к ней и часто изменявшим, она долгое время в церкви поминала его еще живого, будто усопшего, вписывала его имя в поминальник об упокоении. Бабушка была потрясена таким известием и плакала, и молилась за грешницу…

Мне же она запомнилась больше гостинцами, которые приносила в какой-нибудь газетной обертке: по два-три печенья и конфетки с повидлом, летом слипшиеся от жары. Как и у сестры, у нее тоже была ухоронка где-то на поясе длинной темной юбки, и она долго шебуршала там газетой, а потом вручала подарочек. Сдается мне, что я получал от нее этот сладкий набор даже тогда, когда учился в институте…

Тетя Ксения тоже была тиха и как бы даже по-своему интеллигентна. Звали ее, конечно, не Ксенией Петровной, а Татьяной Сидоровной, и она была замужем за сыном Еремея Лузикова – Тимофеем, который ушел из жизни совсем рано, где-то то ли в конце 40-х, то ли в начале 50-х годов. Собственно, поэтому я его и не помню, хотя в доме на Каховского он тоже бывал, доводясь деду моему племянником.

Сергей Полоусов, их внук, который, кстати, многие годы возглавляет местное отделение Международного фонда единства православных народов, вспоминал уже о ней и деде своем подробнее. Я же припоминаю стылый, сумрачный день в двадцатых числах декабря года 1969, когда я, прибыв по чрезвычайному армейскому отпуску из Ростова-на-Дону, в шинели до пят сновал челноком туда-сюда с Белинского на Каховского, нося поминальные пироги, коих было штук двадцать. Их пекла с тихими слезами и причитаниями тетя Ксения. Она пекла, а я носил их, верно, полдня, проходя всякий раз мимо увеченного несбыточной мечтой философов и людским равнодушием храма Иоанна Предтечи, и там, у паперти, где я в детстве играл азартно в футбол, мне тоже хотелось плакать, но я был солдатом, а солдаты, как известно, не плачут…

Бывал здесь и чрезвычайно симпатичный мне человек Тимофей Тимофеевич Лузиков. Помню, впервые я увидел его летом года эдак 1966-го.

Меня тогда тотчас же поразило сходство его с моим дедом. То есть, передо мной сидел дед, но лет на тридцать моложе.

Надо отметить, что Корнеевы дети, в особенности братья, гляделись почти что копией друг с друга. Сухие, до старости поджарые, с иконописными лицами, малоразговорчивые, нередко надменно-снисходительные, по-настоящему главенствующие в семьях своих, исполненные какого-то особого, иной раз улично-грубоватого, а то и не в раз схватываемого чувства юмора, знающие по большей части, где деньги лежат, они не могли не обращать на себя внимания, и эта особостьих чуть не сгубила.

В России во все времена было опасно выделяться. Если все пьют, то и ты пей, коли все воруют, той ты воруй, врут без зазрения совести – и ты ври, церкви рушат – и ты околачивайся где-нибудь неподалеку, а молиться начинают потом с таким усердием, что не только лоб, но и пол разнесут вдребезги – так и ты разноси! Потом оглядишься воровато вокруг себя, да и скажешь тихо куда-нибудь в сторону: «Время было такое…» И все, и баста, ибо это все одно что в драке упасть вдруг на спину и засучить ручками-ножками, мол, лежачего не бьют! Как там сказал однажды Федор Михайлович: «Широк русский человек, обузить бы не мешало…» В этом смысле – да, определенно бы не мешало.

Ну, так вот – Тимофея Тимофеевича Лузикова я тогда увидел впервые. Вместе с дедом, бабушкой, мамой и дядюшкой-крестным он сидел за обильно накрытым столом на веранде – молодой, свежий, ироничный. Это было мое первое студенческое лето, и я зашел на минутку, проведать моих старичков. Мне крестный тут

же рюмочку «начислил» и огурчик подложил, и, хотя я спешил на свидание, от приглашения выпить и закусить не отказался, но объяснился, что вот на свидание, знаете ли, тороплюсь…

Все махнули на мое объяснение рукой, не посчитав его уважительной причиной – все, кроме гостя. «Стало быть, на рандеву спешишь? – сказал он с понимающей улыбкой. – Что ж, это дело хорошее…»

Термин, означавший в том числе запланированную встречу в море двух кораблей, возник в его речи не случайно: он уже занимал серьезный пост в рыболовной отрасли на Сахалине.

На свидание я, понятно, опоздал, потому что мы с ним еще поговорили о футболе и публикациях в «Новом мире», заставив сородичей многозначительно крякать и повторять многократно без нужды «так, так, так», пока дядюшка не напомнил мне о свидании. Опоздав на него, барышню я тем не менее отыскал и, конечно, извинился, наврав ей про жуткий ураган в юго-восточной части города…

Следующая наша встреча с ним произошла почти через сорок лет, когда он вместе с семьей – женой, двумя дочерьми и внуком – вернулся в Астрахань. Увы, здесь его ждала беда: трагическая гибель любимого внука Пети, а от нее он уже не оправился…

Вместе с племянником своим Сергеем Полоусовым, который истинно по– родственному встретил сахалинских Лузиковых в Астрахани и помог им обустроиться, Тимофей Тимофеевич добился того, что их с сестрой официально признали жертвами политических репрессий. Помимо главных бумаг, там у них были даже ксерокопии доносов то ли сексотов, то ли просто бдительных станичничков, что и послужило формальной причиной раскулачивания семей братьев Лузиковых и их ссылки в северные края. Очень было бы любопытно посмотреть на эти высокие образцы эпистолярного жанра a la rus, но найти их так и не удалось.

А вот мне, к сожалению, и в голову не пришло в 90-е годы побеспокоиться о реабилитации своих близких – деда, бабушки, мамы, тетушки и крестного. Так почти все они, кроме тетушки, и ушли, почитаемые «врагами народа». Впрочем, есть в этом и свои достоинства: быть врагами такого народа не зазорно, а скорее почетно. Только чрезвычайно хлопотно…

Особо вспоминаются редкие приезды в Астрахань калачевской родни. Первым и главным эпизодом здесь стоят похороны деда в конце декабря 1969 года, о которых я уже упоминал.

С Дона, с его любимой родины приехала целая делегация. Я знал одних лишь Арьковых – племянника деда, сына сестры

Евдокии Александра Федоровича с женой Василисой Павловной. Да и то, как знал? В 1951 году, в возрасте четырех с половиной лет я приезжал к ним с мамой в гости. У них только что появился малыш Вася, и нам с Витей, их старшим сыном, доверили качать его в люльке, и мы (в основном, я) мальца так качали, что перевернули люльку. Васька вылетел из нее, стукнулся об пол и принялся орать благим матом. Позднее, в начале 80-х годов мы встретились с ним в Одессе в квартире тетушки моей Анастасии Тимофеевны, и, покуривая на балконе после тетушкиных разносолов и молдавского коньяка, я сказал: «Вот, Василий, не урони мы тебя тогда, быть бы тебе уже теперь генералом!» В то время он был, кажется, майором, но службу закончил полковником…

Вот приехали они, значит, на похороны деда – человек шесть-семь, и женщины (а они там, в основном, и были), еще не войдя в дом, еще во дворе, заголосили, запричитали на разные голоса и интонации. Это был такой особый ритуал прощания с близким человеком, и от него на душе делалось совсем худо. Да он, ритуал этот, предназначен именно для того и был, чтобы вызвать как можно больше слез и усугубить горестные ощущения.

Эта песнь скорби меня тогда потрясла. Я стоял тогда будто часовой в почетном карауле в солдатском мундире у гроба деда, а они все пели и всплескивали руками, и безутешно качали головами в темных траурных платках, словом, я хочу сказать, что ни один самый знаменитый режиссер вместе с самыми именитыми артистами не смог бы создать ощущения поистине вселенской тоски и горя, какое создали эти простые люди. Я незаметно вышел в малую спальню, чтобы вытереть слезы…

Нечто подобное, не по сути, но по силе воздействия, я испытал уже в Калаче, спустя десять лет, когда мы с тетушкой приехали в гости к Василисе Павловне. Не было уже в живых ее мужа, Александра Федоровича, ушли хорошо известные мне из бабушкиных и маминых рассказов все эти дивные Арины-монашки и Дуни-кукуни, однако уже на автобусной остановке в Старом Калаче нас признали, то есть, тетушку, разумеется, а не меня.

Какая-то пожилая женщина глянула на нее и спросила тихо: «А ты, милая, не Семена Корнеевича дочка часом будешь?»

У Василисы Павловны «клетка» была знатная – не обойдешь, не объедешь. Там росло все, что только могло выращиваться на земле. И дом был большой, светлый. Парни ее старшие уже разъехались кто куда, будучи офицерами, и она жила вместе с младшим сыном Павлом, хорошим, компанейским, веселым, но очень больным парнем. Для матери это был истинный крест, и

она несла его достойно, ухаживая за несчастным сынком своим до последнего его часа… В те же годы приступы болезни у него еще были редки, и он помогал матери, чем мог.

В основном, мы сидели в летней кухне. Даже чаще на открытой всем ветрам веранде с земляным полом и русской печкой. Василиса Павловна была еще молода, как и большинство донских казачек проворна и весела, готовила с приплясыванием и прибасыванием, то есть, пением. Под рукой у меня был репортерский магнитофон (я работал тогда на радио), и эти песни хорошо и уютно легли на пленку.

Что это были за песни! Право, никогда еще я не получал такого удовольствия от музыки. Возможно, классический американский джаз в его вершинных проявлениях на уровне Billy Holiday или miss Fitsgerald иной раз заставлял воспарять на эвересты душевного наслаждения, но получить это здесь, среди кастрюль и ухватов, сидя за дощатым столом в ожидании рюмашки и наваристых щей – конечно, на такое чудо способна одна лишь музыка, причем музыка не инструментальная, а голосовая, певческая, затрагивающая какие-то особые душевные струны.

Потом я нередко слушал эти чудесные записи, всякий раз переживая знакомое волнение крови, но время прошло, пленка осыпалась, сохранить ее я не сообразил. Так всегда бывает. Думаешь: то, что ты любишь – вечно, но потом глядишь, а его уж и нет…

Однажды пришел гость, Павел Артемьевич, отец Василисы Павловны. Он был высок, широк в кости, по-казачьи прям и поджар. Несмотря на теплую погоду, одет он был в коричневого цвета нарядный костюм и белую нейлоновую рубашку, строго застегнутую на верхнюю пуговицу. Так как нейлоновых рубашек в продаже не было уже лет десять, досталась она ему, похоже, в наследство от кого-нибудь из внучков, Вити или Васи.

Мы обнялись, троекратно расцеловались. Грудь у него была твердая, что твой булыжник, и такая же выпуклая по краям. Откашлявшись, онрассупонилсяи поочередно достал из внутренних карманов пиджака две приятной конфигурации белоголовки.

Я сказал:

– Павел Артемьевич, да зачем? У нас тут все есть…

– Ничего, – степенно ответил он, бережно ставя бутылки на стол. – Сейчас есть, а через час-другой глядишь – и лысо. Мы ж с тобой не ребятишки, чтобы в сельпо посередке стола бежать. У деда твоего, Семена Корнеевича, царствия ему небесного, всегда запас был

– Да, – согласился я. – У него много ухоронок было. И в сарае, и дома в спальне вдоль стены. Сам-то он редко выпивал, но гостей угощать любил.

Не помню теперь, осилили мы бутылку вчетвером или нет, но песен напелись на год вперед. Эту особенность я заметил еще раньше у наших на Каховского: выпьют, бывало, по «гулюшке» (маленькой такой стопочке с изображением голубки на боку, прошедшей с ними всю ссылку и поздние мытарства) и в пляс пускаются или песни начинают гонять. А там, в летней кухне на донском берегу мы трое пели, а кухарка наша Василиса Павловна, пританцовывая, пекла нам пирожки и тоже в припеве выводила какие-нибудь страдания…

Особое место в этих моих заметках принадлежит обитателям дома на Каховского, 12. И теперь, спустя годы, а то и десятилетия, стоит лишь прикрыть глаза – вижу их там, как живых.

Вот звякает щеколда на входной двери…Надо сказать, тогда, в послевоенное время, никаких замков и других мудреных запоров не было. На деревянной двери стояла железная заслонка с внутренней стороны, к которой крепилась бечевка, убегавшая через дырочку в двери наружу и имевшая на конце узелок, чтобы, стало быть, не провалиться в дырочку. Подходил свой человек на улице, тянул за веревочку, дверца и отпиралась с неким, даже как бы торжественным, перезвоном. Войдя же, возвращал щеколду на место, точно часового.

Щеколда эта звякала где-то в середине дня, оповещая о возвращении с работы крестного. Я только так его с самого измальства и до конца и называл – крестный. Бабушка, хлопотавшая в летней кухне, выглядывала из нее и говорила изумленно-напевно: «Пришел уже, Горик?» Работал он ренгентехником в городской больнице на Селенских Исадах, работал часа три, с учетом половинной ставки и вредности производства. Бабушка потому всякий раз и удивлялась: вот, мол, только ушел и уже снова вернулся. Она называла его Гориком, меня-Юриком, а брата соответственно Вовиком. Такие, значит, мы все у нее были уменьшительно-ласкательные «ики».

Был он человеком мягким, покладистым, улыбчивым. А ведь, считай, лет пять отслужил, отвоевал и ранен был тяжело в ногу. В действительную, как тогда говорили, армию он ушел в 1938 году, и пошло-поехало – армия, Халкин-Гол, а вскоре и Великая Отечественная…

Воевал он браво, имел серьезные награды, в том числе и самую, пожалуй, уважаемую у фронтовиков медаль «За отвагу». Каждый год, 9 мая я приходил к нему с каким-нибудь

немудреным подарком и цветами. Позднее цветы заменила бутылка водки или коньяка. Мы сидели за столом в пристрое, и я расспрашивал его о войне. Рассказы его были по преимуществу скупыми, и только эпизод с ранением прибавлял ему живости.

Так было тогда практически со всеми фронтовиками. Соловьями они тогда не заливались. Я знал это, готовя радиопередачи, в том числе и о войне. Слишком тяжелой ценой далась им эта победа, и не утихла еще боль утрат, не выветрились из головы недоуменные вопросы…

Женился он поздно. Я на этой свадьбе плясал и катался на трехколесном велосипеде. Дом тогда еще не был перегорожен на две половины, и я рассекал за милую душу среди веселящихся гостей. Кажется, тогда я впервые хлебнул по ошибке вина.

После всех мытарств и лишений, выпавших на его долю в первой половине жизни, вторую половину он провел тихим домоседом. Возвращаясь с работы, он, не переодевшись, сразу брался за швабру и мыл порожки. Дед молча смотрел на него из-за дерева, потом с досады крякал и шел к себе в кухню, говорил с ухмылкой жене: «Опять трет!» Вот не мог он видеть спокойно, что казак моет полы, и переубедить в этом мнении его было нельзя, хотя бабушка, как могла, защищала сыновку.

У нас с ним были хорошие, ровные отношения. Даже в тяжелые времена мы не ссорились. А так, конечно, всякое бывало, но ведь и впрямь: жизнь прожить – не поле перейти…

Центральное место в доме, само собой, занимали дед с бабушкой. О них надо сказать особо, они того заслуживают. Есть очень трогательный эпизод, такой, знаете ли, эпизод для художественного фильма. Дело было в ссылке. Когда власти поняли, что перевоспитание «чуждого элемента» грозит завершится братской могилой гигантских размеров, то присмотр был ослаблен. Бабушка тем временем устроилась на работу в местную семью, будучи мастерицей на все руки. Дед по вечерам, пройдя не одну версту, подходил к дому, стучал в окно и просил хозяйку вызвать Дуняшу. Вот в такой романтической обстановке (дети были уже вывезены, а часовые слонялись далече) и проходили их свидания. Хозяйке красивый незнакомец понравился. «Ты, Дуня, посмотри, какой мужчина видный и самостоятельный, – сказала она как-то своей работнице. – Вот бы тебе за него замуж выйти…У нас бы и повенчались, и свадьбу сыграли…» А потом посмотрела на нее повнимательней, да и только головой покачала: «Так он и есть, Дуня, твой муж?» Бабушке не оставалось ничего другого, как кивнуть в ответ, потому что слова не шли из-за кома в горле… Вот такая история.

Дед, будучи неграмотным, тем не менее деньги считать умел,

да и делать их тоже умел – из всего, что попадалось под руку. Рядом с домом после войны была «толкучка», так вот он покупал по дешевке какой-нибудь зачуханный костюм, который они с бабушкой ремонтировали, выстирывали, отпаривали и отутюживали, а затем продавали с «наваром». Это был тяжелый бизнес, но власть употребляла здесь иное определение-спекуляция. Деда не раз «брали» и однажды посадили то ли на 10, то ли на 15 суток. Срок свой он отбывал в «Белом лебеде», в самом центре города, позади площади Ленина, который в свое время имел более прогрессивные взгляды на коммерцию.

В числе других арестантов дед мел близлежащие улицы, а мы с бабушкой ежедневно носили ему еду, и он ел домашнее, сидя на приступке какого-то дома.

Выйдя из кутузки, дед завел себе «крышу». Ею стал невысокий, носатый чин из ОБХСС (некоторые, верно, вздрогнут, прочитав эту аббревиатуру), который с завидной регулярностью, раз в месяц приходил в дом на Каховского и осведомлялся о состоянии здоровья хозяина. Помню, летом он первым делом снимал свой форменный китель и пристраивал его на грядушке стула. На веранде уже готовился «малый кавказский» стол, и пока чин мыл руки, дед, проходя мимо кителя, совал в карман небольшую завертушку, сделанную из газеты «Правда». И ведь как метко совал – ни разу не промахнулся!

Чин возвращался с чистыми руками и с еще более чистой совестью, выпивал рюмку водки, закусывал бутербродом с икоркой и говорил: «Ну что, Зотич, жить можно?» И не успевал дед что-то сказать в одобрение этой прелюбопытнейшей сентенции, как чин, отправив в зубастый, посверкивающий золотом рот аппетитный ломтик белужьего балыка, сам же себе и отвечал: «Вот именно: не только можно, но и нужно!»

Чтобы у читателя не сложилось превратного представления о всех этих балыках и бутербродах с икрой, скажу, что в те годы все это было вполне доступно для астраханцев. По Большим Исадам бродили люди, бормотавшие себе под нос: «Икра, балык…». Они приезжали из рыболовецких районов, и чтобы не везти товар назад, отдавали его к концу дня за бесценок. Так, где-то в середине 60-х годов я однажды взял поллитровку белужьего «зерна» за початую пачку болгарских сигарет «Вега», цена которой была 35 копеек.

Чтобы завершить эпопею с «крышей», отмечу с удовлетворением, что чин наш впоследствии дослужился до степеней известных, стал даже кандидатом юридических наук и давно уже покоится на старом кладбище невдалеке от деда. А на смену упокоенному пришли новые чины, с более серьезными

аппетитами…

Я написал и опубликовал, в основном, в «Литературной газете» не одну статью на тему «астраханщины» – сугубо нашенского социально-уголовного феномена, эдакой предтечи модной ныне коррупции. Так вот, в младые годы я был свидетелем этой коррупции в астраханском варианте, и меня вполне можно было бы привлечь к уголовной ответственности за недоносительство. Была, знаете ли, такая статья в УК, да и теперь, кажется, никуда оттуда не делась. Что тут скажешь – видимо, Павлик Морозов не входил в число «героев», на которых я хотел быть похожим.

Конечно, кое-какие детали из приведенных здесь можно было бы опустить для некоей героизации образа того же деда, но я не вижу в этом необходимости: он не был ангелом, и не мне теперь прилаживать крылья к памяти о нем.

Как-то в молодости, еще в Старом Калаче, на Пасху, когда они возвращались с компанией домой, пристал к нему по дороге известный на весь хутор бездельник и пьянчужка – из тех, которые вскоре пришли к власти: «Дай, Семен Корнеич, на водку! Знаю, что должен тебе и так, но все одно, дай еще…»

Семен Корнеевич, уже навеселе, глянул на него задумчиво и сказал: «Денег я тебе не дам, а водкой напою, хоть опейся. Снимай штаны и кувыркайся в подштанниках до моего дома, вот там и рассчитаемся».

Пьянчужка поначалу опешил, а потом рааз с себя штаны и давай кувыркаться! Полхутора пришли посмотреть на «акробата», думали сперва, что это такое цирковое представление.

Ладно. Пригцли домой, жена Евдокия Митрофановна головой качает, руки к небу поднимает: «Ты, отец, чего это удумал?» А он ей: «Давай, неси на стол, лечить будем непутевого».

Сидит этот непутевый, в три рта наворачивает да плачет безутешно:

– Пошто ж ты меня, Корнеич, перед людями так осрамил?

– Это не я тебя осрамил, – отвечает дед, – это водка тебя осрамила. Бросишь пить – и тебе, и семье твоей помогу.

Бросил. Не враз, но бросил. Жена с матерью приходили, в ноги кланялись. Вот такой продвинутый у Семена Корнеевича Лузикова был профилакторий для невоздержанных в питие казачков!

Понимаю: эпизод этот может оставить у читателя двойственное чувство, в том числе, и негативное. Но что поделаешь – из песни слова не выкинешь… Дед же, как был, так навсегда остался для меня человеком, чья жизнь была сугубо подчинена интересам его семьи, и эти интересы он охранял в

самых неблагоприятных для себя условиях, будь то ссылка, либо чужое имя в паспорте, либо ментовский прессинг. Какая уж тут романтика, когда у тебя бездельники отбирают по своему изуверскому закону все, что ты нажил своим трудом, и клеймят тебя и детей твоих, как убойную скотину, безжалостным тавром «Враг народа», и ты всю оставшуюся жизнь проводишь в холодном поту и ознобе от страха, что сейчас придут и снова упекут. Брат мой и крестник Володя как-то вспоминал такой случай из своего детства. Идет он, значит,

из школы и видит – бабушка наша с букетом из дома выходит. Шагов пять сделала да вдруг как развернется на месте и чуть не бегом назад, во двор. Оказалось, позади брата шел милиционер…Страх уже работал на уровне подсознания даже тогда, когда особых причин для его появления не было.

Человеческий материал, который мы имеем теперь, замешанный на страхе и раболепии перед «гражданином Начальником», является производным от того, стародавнего страха, и мы уже непроизвольно стараемся согласиться со всем, что нам скажут оттуда, и обойти «человеков с ружьем», особенно в тех случаях, когда это «ружье» выдало им государство. Генетика-великая штука…

Впрочем, и романтики хватало. В четыре года я уже выписывал кренделя на звонком льду вблизи Красного моста под восхищенные взоры прохожих, а коньками меня снабдил все тот же дед: обшил деревянную основу жестью и прикрутил к валенкам.

Он же примерно к этим самым годам научил меня плавать. Из поездки на родину, в Калач как-то привез пару кубышек, соединенных между собой бечевкой. Обвязав меня веревкой у пояса, он давал мне эти кубышки, которые служили поплавками, а сам шел вдоль берега, объясняя, как нужно работать руками и ногами.

В конце 50-х он несколько дней подряд вдруг стал куда-то пропадать часа на три. Раньше такого не бывало: если шел на базар, то разве что на час. Выяснилось – ездил на Татар-базар в кинотеатр «Родина» смотреть «Тихий Дон». Потом он пересказывал бабушке увиденное. Если бы можно было тогда записать на пленку этот пересказ – то есть, кто из героев на кого похож из их станичников, какие места показаны – вышел бы великолепный рассказ, коих теперь уже давно не пишут, да и не понимают, скорее всего…

Бабушке в этом смысле повезло больше. В середине 80-х, когда еще не была утрачена культура чтения, я посвятил ей небольшую повесть «Совсем немного до весны», которую высоко

оценили и литературные критики, и читатели. Я не перечитываю обычно свои произведения после того, как они выйдут в свет, но эту повестушку иной раз открываю – и будто переношусь туда, в послевоенный двор на улице Каховского, 12, где все еще живы и молоды, где растут роскошные георгины, и гремят кастрюли, где кисло пахнет полынью и помидорной ботвой, где с шумом пикируют голубоглазые стрекозы, и какой-то мальчишка едет верхом, замерев от восторга, на мощнолапой овчарке по кличке Джек…

Припомнил одну собаку, которую, кстати, вскоре отдали пограничникам, и тут же вспомнил другую. Мы сидим с дедом в столовой в марте 1953 года, слушаем исходящий из черной «тарелки» радиоприемника клокочущий бас Левитана: «…году жизни скончался…» Я смотрю на деда, он раскраснелся, дышит шумно, нервно теребит какую-то бумажку и вдруг шепчет внятно, яростно: «Сдох, собака!»

Вот такие разные собаки могут иной раз неожиданно прийти на ум…

Чем еще запомнился мне дом? Наверное, каким-то необыкновенным уютом и физиологическим, и душевным. За деревянным забором с высокими, фигурными воротами начиналась другая жизнь, наполненная нескончаемой заботой и вниманием к младшим со стороны старших. Конечно, под державные праздники они без напоминаний участкового вывешивали красный флаг, приколачивая его к воротам – представляю, сколько раз дед осмыгался, то есть, бил мимо при этом, и какими словами все это действо сопровождалось, да и на выборы они тоже ходили, но суета за воротами их интересовала лишь потому, что надо было зарабатывать на жизнь. Это был такой ыущенный концентрированный способ бытия, где существовало одно лишь частное, личное, приватное. Думы о Родине у них начинались и заканчивались думами о своей семье, об ее благе, и как ни странно, именно в этом в конечном счете проявлялась любовь к той самой Родине, которая их хотела уничтожить гуманно, не враз, а исподволь, но они оказались слишком крепкими и живучими. Любовь и польза эти выражались в том, что они вырастили и подняли на ноги сына и двух дочерей, которые в лихую годину защищали свою Родину-мачеху от врага, а потом лечили больных и работали на производстве. И воспитаны они были честными и порядочными людьми, что само по себе не может не вызвать удивления и уважения.

Написал тут «лечили больных» и подумал – самое время вспомнить о тетущке своей любимой. Она, правда, сама весьма развернутые воспоминания нам предоставила, но я их просто

немного дополню.

Почти 60 лет она верно и преданно прослужила медицине. Помимо того, что она была высокой пробы профессионалом в сложнейшей области – костной хирургии, она еще являла собой образец истинного русского интеллигента в чеховском понимании этого слова. В ней действительно все было прекрасно (собственно, и по сей день осталось): и внешность, и думы, и поступки…

Я помню ее именно как тетю Асю с трехлетнего возраста, когда мне никак не могли всучить какое-то снадобье – то ли рыбий жир, то ли касторку, и вот она, приехав в первый свой отпуск из Солотчи, провела такую спецоперацию: купила цветной диафильм «Златовласка», повесила на стене белую простыню, запустила аппарат, и пока я, разинув рот, смотрел на златокудрую блондинку (верно, оттуда и пошла моя симпатия к прекрасным блондинкам), спокойно, безо всяких уговоров и угроз отправила мне в рот две ложки лекарства.

Большая часть ее почти вековой жизни была связана с «городом у моря» – красавицей Одессой. В конце пятидесятых годов туда получил назначение ее муж, профессор Выясновский Андрей Юлианович. Это был не только авторитетнейший специалист в психиатрии, но и завидный энциклопедист, чьей библиотеке завидовали многие книгочеи страны. Безусловно, он был украинским националистом, хотя по известным причинам не афишировал свои взгляды. Для тех из читателей, кто сморщился, прочитав это, могу сказать так: если бы хотя бы половина современных националистов на Украине интеллигентностью, порядочностью, образованностью и широтой взглядов была похожа на профессора Выясновского, мы бы со своей непутевой сеструхой незалежной и самостийной и горя бы теперь не знали. Уж он бы, тончайший знаток русского языка и литературы, никогда бы не допустил, чтобы язык Пушкина, Тургенева, Гоголя, Бунина и еще десятка – другого гениев словесности на его родине отправили в «запас».

Конечно, в своем мироощущении он был ориентирован на Запад. Одним из первых в Советском Союзе, рискуя навлечь на себя серьезные неприятности, он начал знакомить студентов с учением Фрейда, причем, в совершенно иной тональности, чем это было рекомендовано партией боль-шевиков-ленинцев. Радиоприемник в его спальне всегда был настроен на волну русской службы Би Би Си, так как советских газет по совету своего коллеги, профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца» он не читал, причем, не только до, но и после обеда. Кстати, это бессмертное произведение я впервые прочитал

еще в середине 70-х годов в рукописи именно в Одессе, в квартире № 4 по улице Бебеля, 27 – так же, как и книги Солженицына в югославском еще издании.

Жену свою Анастасию он боготворил. И дело здесь было не только в солидной разнице в возрасте и красоте его избранницы. Скорее, в редкой мужской удаче, когда жизнь вдруг сдает тебе сразу четыре туза в лице одной прекрасной дамы…

Как ни жутко это звучит, но меня с ним ментально особенно сблизила кончина мамы: она умерла в тот же день, что и он – 6 июля, только спустя 39 лет.

Тетушка же все эти годы хранит о нем благодарную память и даже отсюда, из Астрахани, в свои почти 94 года ухаживает за его могилой на знаменитом одесском кладбище. Каждую весну созванивается с кладбищенской обслугой, пересылает им деньги, и на черном мраморе последнего пристанища профессора Выясновского чаще бывают цветы, чем пыль…

Практически все свои отпуска она проводила в доме на Каховского. Когда начали прибаливать ее родители, она по первому зову бросала все дела и мчалась в Астрахань. Так, в 1967 году после тяжелейшей операции она выходила деда, а спустя 15 лет – бабушку. И, уже вернувшись в Астрахань, много внимания и сил уделила моей маме, своей сестре…

Если существует какой-то идеал homo sapiens, то по моему глубочайшему убеждению она стоит очень близко к нему. Уверен, найдется еще сотня-другая человек, которые разделят со мной это мнение.

Прочитав бегло написанное, я отметил, что почти ничего не сказал о самом дорогом и близком человеке – своей маме. У нее, как и у большинства женщин ее поколения, была нелегкая судьба. С девяти лет начались скитания по чужим углам, потом надо было стать опорой для больных стариков, маминых родителей в Калаче, дальше была Астрахань и тяжелые земляные работы на «трассе» в первые годы войны – так она называла участок под Яшкулем, где женщины копали противотанковые рвы и траншеи. Оглушенные войной мужчины долго еще приходили в себя, главным образом, с помощью водки. Физических калек было видно сразу – без руки, без ноги, без глаза, а вот как было разглядеть калеку с израненной, покореженной душой в том же статном, кучерявом красавце? На этой почве был совершенно дикий процент разводов. Не обошел этот процент и нас с матушкой. Она терпела до последнего, но…Замуж больше уж не вышла, отказавшись от многих предложений: что называется, обжегшись на молоке, дула на воду, а проще сказать, решила посвятить себя своему единственному сыну, то есть мне. Я не

буду говорить о ней много – оставлю все это для себя…

Работала она до выхода на пенсию швеей в промкомбинате, денег, как и большинство тогда, получала мало. Помощь – моральная, финансовая, любая – естественно пришла с Каховского, 12. По сути, мы жили на два дома. Дед заменил мне отца в самый сложный подростковый период. Основную часть свободного от работы и учебы времени мы проводили у них, а к себе, на Красноярскую, 15, шли ночевать.

Никто на Каховского никогда не говорил, как сильно они нас любят. Сомневаюсь, что на Дону вообще в стародавние времена знали это слово – любить. Там говорили – жалеть. Вот они нас жалели и сильно жалели. Мне думается, уж коли касаться лингвистики, то слово «жалеть» точнее и предметнее, чем «любить», передает ту гамму чувствований, которые в высшем своем проявлении способен испытывать один человек к другому.

Все-таки «любить» вращается в более широких сферах, в том числе, и плотских, а «жалеть» – это только дух чистый до святости. Вот как тут снова не сказать «браво!» русскому мужику? Это ведь он определил именно так обозначать свои чувства, не Пушкин, а он – грубоватый, корявый с виду, малограмотный, частенько дурной, но в иные моменты невыразимо мудрый, добрый и жалостливый…

Не знаю, послужат ли чему-то хорошему и полезному мои заметки или этот «мемуар», как я его в самом начале иронично обозначил. Если честно, то одна надежда только на нашу молодежь, даже скорее на тех, кто подобно моему Алексюшке, под стол пешком ходит. Это им выводить Россию из закоулков самохвальства, хамства, вранья, воровства и раболепия на широкий, светлый тракт свободы, достоинства, справедливости и доброты. Но для этого они должны знать всю правду прежде всего о своих предках, правду об истории своей семьи, своего рода, в котором могут быть не только герои, но и убийцы, пытчики, стукачи, жулики, лизоблюды. Уверен, этих будет меньшинство. Большинство же составят обычные, простые, совестливые Петры Еремеевичи и Евдокии Митрофановны.

В этом у меня нет никаких сомнений, особенно после того, как я вплотную познакомился с небольшой частью своего рода – рода Лузиковых…

notes

Примечания

1

Речь идет о романе «День, когда мы будем вместе», опубликованном в журнале «Российский колокол» в 2014–2015 гг. (прим, ред.)